

АЗИЛИЯ ВЕЙН

Шёпот из бездны

Забыть — значит выжить
Вспомнить — значит выбрать... и рискнуть всем

18+

СИЛИПС

18+

Азилия Вейн

Шёпот из бездны

<https://litres.ru/74250813>

SelfPub; 2026

Аннотация

ИСКОРКА

Я не знаю, кто я. Единственная разгадка — записка, оставленная бабушкой перед смертью. В нескольких строках — призыв добраться до богини, чтобы узнать правду о себе. Чтобы дойти до богини, мне нужно найти гибрида. Но как его искать, когда я не знаю нечего? Сначала мне помогает Эйдан. Я встречаю Волка и с этой встречи всё меняется.

Теперь я ненавижу его. Он воплощает ту жестокость, перед которой я оказалась беспомощной. Но я клянусь: однажды я отомщу.

ВОЛК

Кто она такая и почему её глаза реагируют на меня? Неважно. Важнее другое: её кровь, её запах, её ярость — всё это отозвалось во мне чем-то древним, почти забытым. Её вкус пробудил во мне голод, который не утолить ни силой, ни временем.

Я буду рядом с ней каждую минуту, даже если она не хочет этого видеть. Она не знает, что я и есть тот самый гибрид, которого она ищет, чтобы добраться до богини. Не знает, что

именно моя кровь и моя сила могут открыть ей двери, которые закрыты для обычных людей.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	38
Глава 3	63
Глава 4	84
Глава 5	105
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Азилия Вейн

Шёпот из бездны

ОТ АВТОРА

Книга «Шёпот из бездны» открывает цикл «Силипс», и с неё начинается дорога по миру, где свет — редкая драгоценность, а тени умеют говорить.

В истории живут сумерки, где даже свет несёт в себе угрозу, а выбор редко бывает чёрно-белым. Здесь встречаются жестокость и отчаяние, граничащие с безумием, тёмные силы, что пробуждаются в самых уязвимых сердцах. Мои герои не идеальны: они ошибаются, срываются, цепляются за остатки человечности

Я буду рада, если вы пройдёте этот путь вместе с героями: если будете злиться на их решения, болеть за их мечты и вместе с ними искать проблески света там, где, казалось бы, царит вечная тьма.

Глава 1

ИСКОРКА

Я сидела на холодном полу у кровати бабушки, прижав колени к груди. Слезы безостановочно катились по щекам, оставляя на коже солёные дорожки. В комнате царила мёртвая тишина — та самая, от которой звенит в ушах. Бабушки больше не было. Совсем. Я осталась одна в этом огромном, внезапно опустевшем доме.

— Почему?.. — прошептала я, глядя на безжизненное лицо, такое спокойное и в то же время чужое. — Почему именно так? Почему именно у меня? Это несправедливо, богиня... Зачем ты забрала единственного человека, который был рядом? Что мне теперь делать?..

Голос дрогнул и оборвался. Я уткнулась лицом в колени, плечи содрогались от беззвучных рыданий. Время будто застыло. Казалось, весь мир остановился вместе с сердцем бабушки.

Внезапно мой взгляд зацепился за что-то под кроватью — тёмный прямоугольник, которого я раньше никогда не замечала. Затаив дыхание, я подползла ближе и вытянула коробку. Она была среднего размера, из потёртого дерева, покрытого слоем пыли. Пальцы дрожали, когда я поднимала крышку.

Внутри лежал единственный листок бумаги, исписанный

знакомым, чуть неровным почерком. Сердце сжалось — это было письмо от бабушки.

Илмерия, дорогая

Я знаю, что у тебя осталось множество вопросов, на которые я так и не ответила. Мне не хотелось тебя покидать, но я написала это письмо, потому что понимаю: все мы когда-нибудь умрём. Я прожила свои 93 года — не знаю, сколько мне будет, когда я покину тебя, но знай: я всегда буду наблюдать за тобой с небес. Поэтому не плачь — иначе я обижусь. Дорогая моя, я не могу рассказать тебе о твоих родителях. Все ответы ты найдёшь лишь у Вейи. Она поведаёт тебе всё что ты хочешь знать. Да я знаю о чём ты думаешь сейчас: Она же богиня — как я смогу её спросить, если не могу добраться до неё? Но всё возможно и ты сама скоро это поймёшь. Тебе нужно найти её а помочь в этом может гибрид из клана Грозоловов. Будь очень осторожна. Ни в коем случае не позволяй никому узнать о твоих светящихся глазах.

Я замерла, сжимая лист в дрожащих пальцах. Слова словно оживали перед глазами, пробираясь сквозь пелену слёз. Перечитала письмо ещё раз, медленно, вслушиваясь в каждое слово, будто пытаюсь уловить за ними голос бабушки.

Всё возможно, и ты сама скоро это поймёшь...

Что это значило? Кто такой этот гибрид? И как мне найти его среди Грозоловов — клана, известного своей жестокостью и недоверием к чужакам?

Мысли вихрем кружились в голове. Я представила бескрайние леса, где властвуют Грозоловы, их острые клыки и горящие глаза. Что, если они почувствуют во мне чужака? Что, если поймут, кто я?..

Но другого пути не было.

— Ладно, — прошептала я, сжимая кулаки. — Я найду этого гибрида. Он отведёт меня к Вейлдриссе.¹ И тогда я получу ответы. Все до единого.

Я осторожно положила письмо обратно в коробку и встала. Ноги слегка подкашивались, но я заставила себя сделать шаг к кровати. Сев на край, я уставилась в окно. За стеклом раскинулся мир, который я почти не знала. Бабушка редко позволяла мне выходить — только когда мои глаза переставали светиться голубым. Раньше огоньки вспыхивали постоянно, но в последнее время появлялись всё реже. Это немного успокаивало.

Вытерев слёзы, я достала из ящика тумбочки маленький кристалл — эфирит,² который бабушка всегда велела носить с собой. Холодная грань легла в ладонь, словно давая едва ощутимую поддержку. Я спрятала его в карман платья и медленно направилась к двери.

На пороге я остановилась, оглянувшись на комнату, где прошла вся моя жизнь. Потом выдохнула и вышла.

— Привет, Рия! А ты куда? — раздался голос соседки

¹ Вейлдрисса – единая богиня, явленная в двух ликах.

² Эфирит – средство дистанционной связи.

Джеммы. Она стояла у своего дома с тяжёлыми сумками, видимо, только вернулась.

Я подошла ближе, стараясь скрыть дрожь в голосе:

— Здравствуйте, Джемма. Решила немного прогуляться.

Бабушки теперь нет, и дома... слишком пусто.

Лира вздохнула, её глаза наполнились сочувствием:

— Понимаю... А хочешь, Эйдан составит тебе компанию?

Эйдан. Мой единственный друг, если не считать бабушки.

Он всегда был рядом — когда бабушка разрешала.

Я кивнула. В голове уже зрел план: мне нужно узнать у Эйдана, где находятся земли Грозоловов. Я почти не выходила из дома и не имела представления об окрестных кланах. Возможно, он даже слышал о том самом гибриде, о котором писала бабушка.

— Да, было бы неплохо, — ответила я, стараясь улыбнуться.

Улыбка получилась бледной, но Джемма, кажется, этого не заметила. Она радостно окликнула сына:

— Эйди! Шлёпай сюда, Рия хочет с тобой погулять.

Через минуту на крыльцо вышел Эйдан. На нём были привычные синие штаны и красная футболка. Его карие глаза внимательно оглядели меня.

— Рия, — произнёс он, подходя ближе. — Ты в порядке?

— Да, — я запнулась, — просто... ещё не привыкла, что бабушки нет.

Он молча кивнул, понимая, что слова здесь излишни.

— Пока, Рия! — крикнула Джемма, скрываясь в доме. Я лишь кивнула в ответ.

Мы отошли на несколько шагов от дома, и тут Эйдан вдруг остановился, резко замерев посреди дорожки, будто натолкнулся на невидимую стену. Он повернулся ко мне, и его взгляд стал таким пристальным, что я невольно поёжилась — будто он видел не только моё лицо, но и все те мысли, которые я старательно прятала за спокойным выражением.

— А теперь признавайся, — произнёс он, чуть склонив голову набок, и в этом жесте было что-то от старого, знакомого с детства Эйдана — того, кто всегда угадывал, когда я собиралась стащить последнюю конфету из банки. — Ты чего-то от меня хочешь, да? Прямо чувствую, как у тебя внутри всё поджигается, будто ты ждёшь, что я сейчас рассержусь.

Я невольно улыбнулась — не широко, а так, едва заметно, краешком губ, потому что сдержать улыбку рядом с ним никогда не получалось. Эйдан слишком хорошо меня знал: мы дружили с самого детства, сидели на одном заборе, когда взрослые не видели, делили один бутерброд на двоих и прятались под одним зонтом, когда ливень заставлял нас врасплох. Врать ему не имело смысла — он всё равно раскусит любую ложь по одному только движению бровей. Но и всю правду выкладывать пока нельзя: слишком многое зависело от того, как он это воспримет, и я не хотела, чтобы он сразу начал меня останавливать.

— Ну... — я замялась, подбирая слова так осторожно,

будто шла по тонкому льду, где каждый неверный шаг мог привести к провалу. Пальцы сами собой сплелись в тугой узел, выдавая моё волнение, и я поспешно расцепила их, спрятав руки за спину. — Мне нужно кое-что узнать. Кое-что важное.

— Говори, Рия-я-я, — протянул он с лёгкой усмешкой, растягивая моё имя, как делал всегда, когда хотел немного разрядить обстановку. Но за этой усмешкой в его глазах читалась искренняя забота — та самая, от которой становилось теплее даже в самые холодные дни.

Я глубоко вдохнула, чувствуя, как воздух царапает горло, словно в нём было слишком много напряжения. Слова не хотели слетать с языка, будто цеплялись за что-то внутри, не желая выходить наружу. Но тянуть дальше было нельзя.

— Ты ведь знаешь окрестности лучше меня, — наконец выговорила я, глядя ему прямо в глаза, чтобы он видел: я не шучу, не играю, это действительно важно. — Можешь рассказать... где живут Грозоловы?

Эйдан мгновенно напрягся — я буквально увидела, как по его плечам пробежала едва заметная волна напряжения, а улыбка исчезла с лица так быстро, будто её и не было. Он нахмурился, и между бровями залегла глубокая складка, которую я знала слишком хорошо — она появлялась каждый раз, когда он всерьёз о чём-то переживал.

— Грозоловы? — переспросил он, и в его голосе прозвучало столько предостережения, что оно почти звенело в воз-

духе. — Зачем тебе это, Рия? Это опасный клан, они не любят чужаков. Даже если ты просто пройдёшь мимо их земель, они могут принять это за вызов.

— Я знаю, — поспешно сказала я, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, а не как оправдание. — Но мне очень нужно. Это связано с бабушкой... с её письмом. С тем, что она успела мне сказать перед тем, как уйти.

Я не стала уточнять, что именно было написано в письме — строчки, выведенные её дрожащей рукой, до сих пор стояли перед глазами, будто она шептала их мне каждую ночь во сне. Достаточно было дать ему понять: это серьёзно, это не просто любопытство, это часть чего-то большего, чего я сама до конца не понимала.

Эйдан помолчал, задумчиво глядя вдаль, туда, где небо постепенно темнело, окрашивая горизонт в глубокие фиолетовые и синие тона. Его взгляд будто скользил по знакомым очертаниям холмов и лесов, вспоминая каждый поворот троп, каждую скрытую тропинку, каждый опасный участок, о котором знали только местные. Потом он медленно кивнул, и этот кивок был не просто согласием — в нём чувствовалась тяжесть принятого решения.

— Хорошо, — произнёс он наконец, возвращая взгляд ко мне. — Я расскажу, что знаю. Но обещай: ты не пойдёшь туда одна. Ни за что.

Я хотела возразить — уже открыла рот, чтобы сказать, что справлюсь, что не хочу подвергать его опасности, что это моя

история, мой путь. Но он поднял руку, останавливая меня прежде, чем я успела произнести хоть слово.

— Послушай, — сказал он твёрдо, без тени шутки. — Я помогу тебе узнать, что тебе нужно. Но на своих условиях. Если ты действительно собралась искать ответы, я пойду с тобой. И это не обсуждается.

Его слова повисли в воздухе, тяжёлые и настоящие, как камни, которые нельзя просто отбросить в сторону. Я смотрела на него, пытаюсь понять, насколько он серьёзен, и в его глазах не было ни насмешки, ни желания покрасоваться — только твёрдая решимость, такая же непоколебимая, как скалы у побережья, которые выдерживали любой шторм.

— Почему? — тихо спросила я, потому что мне нужно было услышать это вслух, нужно было убедиться, что я не придумываю себе поддержку там, где её нет.

— Потому что ты мой друг, — просто ответил он, и эти слова прозвучали так искренне, что у меня на мгновение перехватило дыхание. — И я не позволю тебе идти в логово хищников в одиночку. Ты для меня не просто знакомая, Рия. Ты — та, кто вытаскивал меня из передрыг, когда я сам не мог найти выход. Теперь моя очередь.

В груди что-то потеплело, словно кто-то зажёл маленький, но очень яркий огонёк, разгоняя холод, который поселился там после смерти бабушки. Я не ожидала такой поддержки — не ждала, что кто-то просто возьмёт и скажет: «Я с тобой», без лишних вопросов, без условий, кроме одного — не

идти одной. Но вместе с облегчением пришло и беспокойство, острое и колючее, как осколки стекла: втягивать Эйдана в эту историю было рискованно, ведь речь шла не о простой прогулке по лесу, а о столкновении с кланом, который не прощает ошибок.

— Это опасно, — предупредила я, стараясь вложить в эти слова всю серьёзность, чтобы он не воспринимал это как обычное приключение. — Очень опасно. Я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось из-за меня.

— Как и всё, что мы не пробуем, — усмехнулся он, но в этой усмешке не было легкомыслия — скорее горькая мудрость человека, который уже не раз сталкивался с опасностью и знал ей цену. — Так что, расскажешь, что именно ты ищешь? Или мне гадать?

Я колебалась. Сказать ему всё — выложить каждую строчку из письма, каждую догадку, каждую мысль, которая не давала мне спать ночами? Или ограничиться полуправдой, чтобы не пугать его раньше времени? В голове крутились слова, сталкиваясь друг с другом, и ни одно не казалось достаточно правильным. Но его терпение, его готовность идти со мной, даже не зная всех деталей, заставляли меня склоняться к правде.

— Мне нужен один человек, — наконец произнесла я, подбирая каждое слово так, чтобы оно звучало твёрдо и не дрожало. — Гибрид из их клана. Бабушка написала, что он может помочь мне встретиться с Вейлдриссой.

Эйдан присвистнул — этот короткий, резкий звук прозвучал в тишине вечера особенно громко, будто разорвал её пополам. Он уставился на меня так, будто я только что сказала, что собираюсь прогуляться по дну океана без воздуха.

— Вейлдрисса? — повторил он, и в его голосе смешались изумление и тревога. — Богиня? Рия, ты понимаешь, насколько это... невероятно? Это не просто легенда, это то, о чём шепчутся в тёмных углах, когда никто не должен слышать.

— Понимаю, — твёрдо сказала я, не позволяя себе усомниться. — Но это мой единственный шанс узнать правду о родителях. О себе. Бабушка оставила мне не просто письмо — она оставила путь, и этот путь ведёт к гибриду, а через него — к Вейлдриссе. Я должна попробовать.

Он долго смотрел на меня, будто пытался прочесть в моих глазах, насколько я готова идти до конца, не сломавшись на полпути. Потом медленно кивнул — не сразу, а так, словно каждое движение давалось ему нелегко, будто он взвешивал все возможные последствия.

— Ладно, — произнёс он наконец. — Раз ты решила — мы найдём этого гибрида. Только дай мне минуту — я переоденусь. Хочу быть готовым ко всему.

— Иди, — кивнула я, стараясь выглядеть спокойной, хотя внутри всё дрожало от смеси страха и надежды.

Он пошёл обратно в дом, его шаги звучали твёрдо и уверенно, а я осталась стоять на месте, чувствуя, как напряже-

ние, сковывавшее меня с момента смерти бабушки, немного отступает. Не исчезает полностью — оно всё ещё было там, тяжёлое и настойчивое, — но теперь я знала: я не одна. Рядом был Эйдан, и пусть путь впереди был полон опасностей, ловушек и неожиданностей, теперь я знала, что не придётся идти по нему в одиночестве.

Вскоре Эйдан вышел из дома, и вид у него был такой, будто он собирался не просто прокатиться по окрестностям, а вступить в схватку с целой армией. На нём были чёрные джинсы с металлическими цепями, которые позвякивали при каждом шаге, и рваная красная футболка, которая, несмотря на небрежный вид, подчёркивала его решимость. На сгибе руки он держал чёрный матовый шлем — гладкий, без лишних деталей, словно созданный для скорости и скрытности. Несмотря на этот brutальный, почти дерзкий вид, в его глазах по-прежнему светилась та самая тёплая, почти детская искренность, за которую я его так ценила: она напоминала, что за всей этой внешней жёсткостью скрывается человек, который никогда не бросит друга в беде.

— На, — коротко бросил он, протягивая мне шлем. Его голос звучал буднично, будто мы собирались не на опасное задание, а просто прокатиться до ближайшего кафе.

Я надела шлем, поправив ремешок под подбородком так, чтобы он сидел плотно, но не давил. Ткань подкладки была прохладной, и это ощущение на мгновение вернуло меня к реальности, напомнив, что всё это происходит на самом

деле. Эйдан тем временем подошёл к своему мотоциклу — чёрному, спортивному, с глянцевой поверхностью, на которой играли отблески вечернего солнца, превращая гладкий корпус в живое отражение угасающего дня. Линии мотоцикла были резкими, обтекаемыми, будто хищная птица, замершая перед полётом, готовая в любой момент сорваться с места и устремиться в небо. Хромированные детали ненавязчиво поблескивали в последних лучах солнца, а низко расположенный руль придавал машине агрессивный, стремительный вид, словно она сама жаждала скорости. Два выхлопных патрубка на задней части намекали на мощь, скрытую под гладким обтекателем, — мощь, которая могла в любой момент вырваться наружу оглушительным рёвом.

Эйдан легко вскочил на сиденье, выпрямился, привычным движением проверил рукоятки, слегка поддал газа — мотоцикл отозвался низким, бархатистым рыком, который прокатился по округе, заставляя птиц срываться с веток.

Я подняла ногу и устроилась позади него, обхватив его талию — сначала легко, почти невесомо, будто проверяя, можно ли держаться так, чтобы не мешать. Но уже через мгновение хватка стала крепче, потому что в груди разливалось волнующее чувство свободы, будто каждый вибрирующий звук двигателя отзывался в такт моему пульсу, пробуждая во мне что-то давно забытое.

Мотоцикл тронулся с места плавно, но уверенно, словно знал дорогу лучше нас самих. Ветер тут же обнял меня, про-

бежал по волосам, забрался под края одежды, напоминая, что мир вокруг живой, быстрый, непредсказуемый.

Я подняла одну руку вверх, позволяя потокам воздуха ласкать ладонь, чувствовать его силу и свободу, а вторая рука оставалась на талии Эйдана — мягкая опора, связь с реальностью в этом нарастающем потоке скорости, который грозил унести меня прочь от всех страхов и сомнений.

Эйдан усмехнулся, повернув голову чуть вбок, и его голос доносился сквозь шум ветра и двигателя, словно сквозь вату, но я всё равно его слышала, потому что знала этот голос лучше собственного.

— Держись крепче! Я начну разгоняться.

Его предупреждение прозвучало как вызов, и я нарочито медленно повернула голову, изображая полное непонимание, будто не понимала, о чём речь, и крикнула в ответ, стараясь перекрыть шум мотора:

— Не указывай мне!

В тот же миг мотоцикл резко рванул вперёд — так внезапно, что меня толкнуло назад, а сердце на секунду замерло, будто решило пропустить удар, чтобы потом застучать быстрее, наполняя тело адреналином. Инстинктивно я обхватила Эйдана крепче, прижалась к его спине, чувствуя, как напрягаются мышцы под тканью футболки, как он управляет машиной с той самой уверенностью, которая всегда заставляла меня верить: с ним я в безопасности, даже если весь мир летит кувырком.

Дорога летела навстречу, размываясь в тёмную ленту, обрамлённую зелёными силуэтами деревьев, которые мелькали по бокам, словно декорации в безумном театре. Дома и заборы по краям превратились в мелькающие пятна, сливающиеся в единую полосу, а ветер теперь не ласкал — он требовал внимания, бил в лицо, заставлял прищуриваться, чтобы хоть что-то разглядеть впереди. Но в этой хаотичной симфонии звуков, скоростей и ощущений я чувствовала себя... живой. Живой настолько, что каждая клеточка тела отзывалась на этот вихрь, будто пробуждаясь от долгого сна.

Эйдан снова повернул голову, и на его лице мелькнула та самая смешинка, которую я так хорошо знала — смесь азарта и уверенности, что всё под контролем.

— Ну как, ещё хочешь не слушать указаний? — крикнул он, и в его голосе звучала не злость, а чистое, неподдельное веселье, будто он сам наслаждался этой безумной гонкой.

Я не ответила словами — вместо этого я крепче сжала руки вокруг него и рассмеялась. Смех вырвался наружу, растворяясь в шуме мотора и ветра, становясь частью этой симфонии скорости. В этот момент всё казалось возможным: и Грозоловы, и гибрид, и встреча с богиней. Потому что рядом был Эйдан — тот, кто не даст упасть, даже если мир вокруг начнёт разваливаться на части, кто будет стоять рядом, даже когда все остальные отступят.

Мотоцикл набирал скорость, дорога уходила вдаль, теряясь в сумерках, а я закрыла глаза на мгновение, впитывая

каждую ноту этого безудержного полёта: вибрацию машины, запах бензина и ветра, ощущение движения, которое стирало границы между страхом и восторгом. Но уже в следующую секунду Эйдан резко повернул голову в мою сторону и крикнул:

— Смотри!

Я пригляделась, стараясь разглядеть хоть что-то сквозь потоки воздуха, и вдали, за плотной полосой высоких деревьев, вспыхнули первые огни города — словно россыпь жёлтых и оранжевых звёзд, постепенно заполняющих горизонт. Они мерцали, переливались, манили, обещали тайны и новые повороты судьбы, будто город сам ждал нас, готовясь раскрыть свои секреты тем, кто осмелится подойти ближе.

Дорога продолжала лететь навстречу, а мы всё ускорялись, будто пытаясь догнать уходящее солнце, которое цеплялось за край неба последними лучами. Эти лучи окрашивали небо в багряно-золотые тона, рисуя на облаках причудливые узоры, похожие на древние карты, где каждая линия вела к новой загадке. Ветер свистел в ушах, заглушая все остальные звуки, а сердце билось в такт ревущему мотору, будто само хотело стать частью этой скорости.

Когда городские очертания стали чётче, Эйдан плавно снизил скорость, и мотоцикл, будто почувствовав, что гонка окончена, мягко свернул на обочину и остановился. Двигатель затих, и на смену грохоту пришла удивительная тишина — такая глубокая, что в ней можно было услышать отдалён-

ный гул города, шелест листвы и даже собственное дыхание.

Я осторожно слезла с мотоцикла, сняла шлем и встряхнула головой — волосы, спутанные под плотной тканью, рассыпались по плечам, обрамляя лицо хаотичными волнами, будто сами хотели напомнить, что только что пережили бурю. Эйдан тоже снял шлем, сошёл с байка и, улыбнувшись, приблизился ко мне. Его рука мягко коснулась моих волос, пальцы осторожно провели по спутанным прядям, будто пытаясь вернуть им прежний порядок.

Я невольно отступила на шаг, почувствовав себя немного неловко под этим заботливым жестом.

— Ты что делаешь? — спросила я, слегка нахмурившись, но без злости — скорее из-за того, что не привыкла к такой нежности в моменты, когда мы готовились к чему-то опасному.

Он усмехнулся, и в этой усмешке было столько привычного озорства, что напряжение моментально спало.

— Твои волосы взъерошились, — пояснил он, будто это было самое естественное объяснение на свете.

Я подошла к зеркальной панели на мотоцикле и взглянула на своё отражение: волосы действительно спутались, выбились из-под шлема, обрамляя лицо хаотичными волнами, и вид у меня был такой, будто я только что выбралась из урагана. Молча начала расчёсывать их пальцами, пытаясь вернуть хоть какое-то подобие порядка, но пряди упрямо не хотели слушаться, будто сами сопротивлялись любой попытке

их укротить.

— Я же говорил — не распускай волосы, — бросил Эйдан с лёгкой укоризной, но в его голосе не было настоящей строгости — только привычное подтрунивание, которое всегда помогало нам не воспринимать мир слишком серьёзно.

Я вскинула бровь, глядя на него с деланным возмущением, хотя внутри уже поднималась волна смеха, которую я старалась сдержать.

— Правда? И когда это ты говорил? Что-то не припоминаю! — парировала я, чувствуя, как в груди снова разливается тепло — не от скорости, не от ветра, а от того, что рядом есть человек, с которым даже перед лицом опасности можно просто поспорить из-за взъерошенных волос и знать, что всё будет хорошо.

— Раньше, — настаивал он. — Я тебе точно говорил.

В памяти вспыхнул давний эпизод: день, когда мы только познакомились. Мои распущенные волосы случайно зацепились за застёжку его часов; он тогда сдержанно посмеялся и посоветовал не ходить с распущенными волосами. Но мне всегда было лень тратить время на причёски — да и многие укладки потом вызывали дискомфорт, а иногда и головную боль.

— Ладно, — вздохнула я, проводя ладонью по пряди. — Но это не значит, что я теперь обязана их завязывать. Эйдан слегка склонил голову, взгляд стал серьёзнее: — И как ты собираешься искать этого гибрида?

Я замерла. Вопрос ударил точно в цель.

— Как собираюсь? — повторила я тихо. — Не знаю. А как его можно найти?

Он усмехнулся, снова возвращаясь к легкому тону:

— Может, подходить к каждому Грозолову и спрашивать.

«Не гибрид ли вы?»

Я легонько стукнула его по руке:

— Ха-ха, очень смешно.

Его улыбка смягчилась. Он сделал шаг назад, огляделся по сторонам, словно оценивая окружающее пространство.

— Ладно, — сказал он уже деловито. — Давай сначала найдём место для ночлега. Завтра будет длинный день, и нам нужно быть в форме.

Я вспомнила, что один из домов, оставленных мне родителями, находился в лесу — и этот лес как раз неподалёку от города.

— Здесь неподалёку в лесу есть дом, оставленный мне родителями, — сказала я. — Только я там была всего один раз, с бабушкой. И это было давно.

Эйдан кивнул:

— Хорошо, тогда мы его найдём. Но раз у нас уже есть готовое место для ночлега, может, наполним свои желудки?

— Хорошо, — согласилась я.

Эйдан направился к зданию — невысокому, но внушительному, с фасадом из тёмного камня и массивными деревянными балками, пересекающими стены в причудливом

геометрическом узоре. Над входом висела кованая вывеска с изображением скрещённых вилок и бокала, подсвеченная тёплым жёлтым светом. По периметру фасада тянулись узкие окна с витражными вставками, сквозь которые пробивались отблески внутреннего освещения.

Он открыл тяжёлую дубовую дверь, и я шагнула внутрь. За мной последовал Эйдан.

Помещение оказалось просторным, с высоким потолком, украшенным резными деревянными панелями. Вдоль стен тянулись массивные дубовые столы и скамьи, за которыми сидели посетители — большинство из них, судя по суровым лицам и тяжёлым плащам, принадлежали к клану Грозоловов. В воздухе витал густой, почти осязаемый аромат жареного мяса — такой, что казалось, будто дым пропитал даже ткань плаща. К нему примешивались пряные травы, чьи горьковатые нотки щекотали ноздри, и тяжёлый, сладковатый дух тёмного пива, будто само помещение хранило в себе отголоски сотен шумных вечеров. В дальнем конце зала, словно портал в иной мир, виднелась арка с резными деревянными створками; из-за неё доносилась ритмичная музыка — не просто мелодия, а живой пульс: то ли перекатывались глухие удары барабанов, то ли струнные тянули тягучие, завораживающие ноты, сплетавшиеся в тревожную, древнюю песню.

Эйдан коротко кивнул в сторону свободного столика у окна — того, где свет уличных фонарей ложился на столешни-

цу косыми полосами, будто разделяя пространство на *здесь* и *там*.

Я молча направилась туда, чувствуя, как тяжесть дня оседает на плечах. Эйдан же пошёл к стойке — его походка была привычной, уверенной, будто он знал это место лучше собственного дома. Он перекинулся парой слов с барменом — тот кивнул, не поднимая глаз, — и вскоре вернулся, неся в руках две чашки дымящегося кофе, от которых поднимался пар, и большую тарелку запечённой тыквы с травами: ломтики лежали неровно, золотистые по краям, источая пряный, чуть сладковатый запах.

— Бери, кушай, — сказал он, присаживаясь напротив и слегка отодвигая стул так, что ножки скрипнули по полу.

— Я не люблю тыкву, — поморщилась я, невольно поджав губы.

— Ну тогда сиди голодная, другой еды тут нет, — усмехнулся он, беря вилку и подцепляя первый кусочек. В его усмешке не было злости — скорее усталое добродушие человека, который слишком много раз видел, как мир рушится, и теперь цеплялся за простые вещи: еду, тепло, привычную рутину.

Я взяла чашку, обхватив её ладонями, чтобы согреться, и сделала небольшой глоток. Кофе оказался горячим, обжигающим язык, с лёгкой горчинкой и едва уловимыми нотками корицы — словно кто-то специально подбирал специи, чтобы напомнить о доме, которого больше не было.

Эйдан принялся за еду, время от времени поглядывая на меня, будто проверяя, всё ли со мной в порядке. А я продолжала пить кофе, наблюдая за посетителями, чьи лица то и дело выхватывались из полумрака вспышками света и снова исчезали в тени. В зале царила необычная атмосфера: разговоры велись приглушёнными голосами, слова будто боялись вырваться наружу, стать слишком громкими, слишком настоящими. Иногда раздавался смех, но в нём не было лёгкости — скорее что-то настороженное, выжидающее, как у зверей перед бурей.

Вдруг я почувствовала, что больше не могу терпеть — ощущение было таким острым, что казалось, будто внутри всё сжалось в тугой узел, а мочевой пузырь вот-вот не выдержит. Это было до нелепости будничное чувство посреди всей этой напряжённой, почти мистической атмосферы, и от этого оно становилось ещё более невыносимым.

— Тут есть...? — начала я, запнувшись и невольно оглянувшись по сторонам, будто надеясь, что нужная дверь появится сама собой.

— Туалет? — догадался Эйдан, не поднимая взгляда от тарелки.

Я кивнула, чувствуя, как от облегчения на мгновение даже страх отступил.

Он указал пальцем в сторону дальней стены, туда, где в полумраке едва виднелась скромная табличка с силуэтом женщины — простая, ничем не примечательная, но в тот мо-

мент она казалась мне маяком.

Я встала, отодвинув стул чуть резче, чем хотела, и медленно направилась к двери, стараясь не смотреть по сторонам, чтобы не встретиться ни с кем взглядом. Толкнув дверь, я вошла внутрь.

Помещение оказалось небольшим, но чистым — стерильно чистым, будто его только что вымыли, и этот запах хлорки смешивался с остатками цветочного освежителя. Белые кафельные стены отражали свет тусклой лампы, делая пространство чуть более холодным, чем нужно. Над раковиной висело зеркало — обычное, без изысков, с лёгкой рябью на поверхности, словно оно видело слишком многое. Вдоль правой стены тянулись несколько кабинок, их двери были закрыты, и тишина здесь стояла такая плотная, что я слышала собственное дыхание. Внутри никого не было — или так казалось.

Я подошла к ближайшей кабинке, потянула ручку — и в тот же момент дверь соседней резко распахнулась с коротким, резким звуком, похожим на щелчок кнута. Из неё вышел высокий парень в чёрном плаще — ткань была тяжёлой, плотной, будто предназначенной не для красоты, а для того, чтобы скрывать, прятать, защищать. Его лицо скрывала маска — простая, чёрная, без украшений, но она не скрывала его глаза. Я увидела их цвет: огненный, почти светящийся, как будто внутри него горел невидимый огонь, и этот огонь прорывался наружу сквозь узкие прорезы.

Наши взгляды встретились — и время будто замерло. Секунда растянулась в вечность, и в этой вечности я успела заметить каждую деталь: как мерцают его глаза, как тень ложится на скулы, как плащ слегка колыхнется от едва уловимого движения воздуха. Я замерла, чувствуя, как кровь стучит в висках, а пальцы невольно сжимаются в кулаки.

— Что вы делаете в женской уборной? — тихо спросила я, и мой голос дрогнул, выдавая страх, который я так старалась спрятать.

Парень не ответил.

Вместо слов он сделал шаг вперёд — плавный, уверенный, будто знал, что я не убегу. Я инстинктивно попятилась, чувствуя, как подошвы ботинок скользят по гладкому полу, пока не ощутила спиной холодную кафельную стену — такую твёрдую и безжалостную, что даже через ткань плаща она казалась ледяной.

— Н-не приближайтесь, — прошептала я, пытаюсь удержать голос ровным, но дрожь всё равно пробиралась в слова, делая их хрупкими.

Но он не слушал.

Шаг за шагом он сокращал расстояние, и каждый его шаг отдавался во мне глухим эхом, будто предупреждая: «Слишком поздно». Вскоре между нами не осталось лишь нескольких дюймов — столько, что я могла бы протянуть руку и коснуться его, если бы захотела. Но я не хотела. Я хотела только одного — чтобы он отступил, исчез, растворился в тени,

откуда пришёл.

Я ощутила его запах — терпкий, мускусный, с примесью чего-то дикого, лесного, будто он только что вышел из чащи, где деревья шепчут древние тайны, а воздух пропитан магией и опасностью. Этот запах был чужим, незнакомым, и от него по коже пробежал ледяной озноб, заставивший волосы встать дыбом.

Он поднял руки и упёр их в стену по обе стороны от моей головы, замкнув меня в ловушке, из которой не было выхода. Металл пряжек на его плаще слегка звякнул, нарушив тишину, и этот звук показался мне громче крика. Затем он медленно наклонился — так, что его лицо оказалось у моей шеи, и я почувствовала тепло его дыхания на коже, такое близкое, такое интимное, что от этого становилось только страшнее. По спине пробежал ледяной озноб, сковавший мышцы, и на мгновение я перестала дышать.

В голове билась одна мысль, повторяясь снова и снова, как заклинание: «Что ему нужно?» Я пыталась найти в этом хоть какой-то смысл, но страх застилал разум, превращая мысли в обрывки, в осколки, которые никак не хотели складываться в целую картину.

Я почувствовала, как он втянул воздух возле моей шеи — медленно, глубоко, будто пытался запомнить мой запах, вычленить из него что-то важное, только ему известное. Внутри всё сжалось от неприятной смеси страха и негодования, и эта смесь была такой горячей, что почти обжигала.

— Вы... нюхаете меня? — голос дрогнул, но я заставила себя произнести это вслух, потому что молчание становилось невыносимым.

Парень медленно поднял голову. Теперь его лицо оказалось вровень с моим — настолько близко, что я могла разглядеть причудливую игру теней в прорези маски: как они плясали, менялись, жили своей жизнью. Его огненные глаза мерцали, словно угли в темноте, и в этом мерцании было что-то гипнотическое, заставлявшее забыть обо всём на свете, кроме этих глаз.

— Не бойся, я тебе ничего не сделаю, — произнёс он низким, почти гипнотическим голосом, в котором звучала такая уверенность, что она казалась почти угрозой.

— Может, отойдёте? — повторила я, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, но твёрдость ускользала, растворяясь в воздухе, как дым.

Он покачал головой — едва заметное движение, но в нём было столько решимости, что спорить стало бесполезно.

— Нет. Как тебя зовут?

Я не собиралась раскрывать своё имя первому встречному, тем более тому, кто только что загнал меня в угол. Это было слишком личным, слишком важным, чтобы отдавать так легко.

— А как вас зовут? — парировала я, пытаюсь перехватить инициативу, хоть на мгновение вернуть себе контроль над ситуацией.

Он слегка отстранился, и в его взгляде промелькнуло что-то похожее на усмешку — не весёлую, а скорее горькую, будто он смеялся над какой-то своей тайной шуткой.

— Я не настолько старый, чтобы ты обращалась ко мне на «вы».

Не раздумывая, я положила ладони на его грудь — ткань плаща оказалась грубой, жёсткой, с ощущением скрытой силы под ней — и резко оттолкнула, вложив в этот жест весь свой страх, всю свою злость, всё, что накопилось за последние дни.

Он отступил на шаг, не столько от силы толчка, сколько, казалось, из любопытства — будто хотел посмотреть, на что я способна.

— Мне нужно в кабинку, — бросила я, стараясь звучать уверенно, хотя внутри всё дрожало, как натянутая струна.

Проходя мимо него, я невольно бросила взгляд в большое зеркало над тремя раковинами — и тут же похолодела, словно кто-то вылил на меня ведро ледяной воды. Мои глаза светились — ярко-голубым, почти призрачным светом, который казался чуждым, неправильным, пугающим.

Он видел это.

Всё остальное мгновенно потеряло значение — теперь меня волновало лишь то, что ещё один человек узнал о моей тайне, о той силе, которую я так старательно прятала, о том, что делало меня не такой, как все.

В тот же миг он оказался за моей спиной — так быстро,

что я даже не услышала шагов. Тёплые пальцы мягко обхватили мою шею, не сжимая, а скорее удерживая, давая почувствовать свою силу, но не причиняя боли. Другая рука легла на талию, и от этих прикосновений по коже побежали мурашки, смешиваясь со страхом в странный, противоречивый коктейль.

— Испугалась? — прошептал он, и его дыхание коснулось волос, заставляя их шевелиться.

— Нет! — выпалила я, пытаюсь сохранить лицо, хотя сердце колотилось где-то в горле, мешая дышать.

Резким движением локтя я попыталась ударить его, но он ловко увернулся, будто заранее знал, что я сделаю, и это только усилило ощущение, что я играю по его правилам, даже не подозревая об этом.

— Делай, что хотела, — сказал он спокойно, почти равнодушно, но в этом спокойствии было что-то пугающее, потому что оно казалось наигранным. — А потом я проведу тебе очень славную экскурсию.

Наконец он отпустил меня, и я на мгновение почувствовала себя свободной — но это была иллюзия, я знала это.

Я шагнула в кабинку и закрыла за собой дверь, прислушиваясь к тишине, которая вдруг стала оглушительной. Всё происходящее казалось абсурдным: незнакомец в плаще с огненными глазами ждёт снаружи, а я... делаю свои дела, как будто это самая обычная ситуация. Но страх постепенно сменялся любопытством — странным, почти болезненным,

но таким сильным, что оно заглушало даже ужас. Может, если я с ним сблизюсь, он поможет мне найти гибрида — того, кто знал ответы на вопросы, которые мучили меня ночами. Он ведь не убил меня, когда прижимал к стене — значит, не намерен причинять вред. Или просто ещё не время?

Закончив, я вышла.

Он стоял, небрежно облокотившись на соседнюю кабинку, словно ждал давнюю подругу, а не девушку, которую только что напугал до полусмерти. Его поза была расслабленной, но в ней чувствовалась скрытая напряжённость, как у хищника, который притворяется спокойным, чтобы не спугнуть добычу.

Я направилась к раковине, включила воду и начала мыть руки, чувствуя, как тёплая вода смывает не только грязь, но и часть напряжения. С облегчением заметила: голубой огонёк в глазах погас, снова сделав меня обычной девушкой, а не кем-то, кто светится в темноте.

Он подошёл ближе — не спеша, будто давая мне время привыкнуть к его присутствию.

— Ты реагируешь на меня, — произнёс он, и в голосе прозвучала уверенность, от которой по спине пробежал новый озноб — не от холода, а от осознания, что он видит во мне то, что я сама не до конца понимаю.

Я нахмурилась, пытаюсь скрыть замешательство за раздражением.

— Реагирую? Что ты имеешь в виду? Конечно, я реаги-

рую — ты вторгся в женское отделение, ведёшь себя странно, а твои глаза... — я запнулась, не зная, как описать то, что видела, потому что слова казались слишком слабыми, чтобы передать этот огонь.

Не дожидаясь ответа, он поднял руку и снова обхватил мою талию — на этот раз чуть крепче, будто проверяя границы дозволенного. Я посмотрела на его ладонь, затем в глаза, стараясь вложить в взгляд всю свою решимость.

— Я не разрешала лапать себя.

Его вторая рука резко схватила моё лицо, повернув к зеркалу — движение было быстрым, но не грубым, скорее точным, как у хирурга, который знает, куда нужно нажать. И снова — свечение. Мои глаза пылали голубым, словно маленькие звёзды, зажжённые в темноте, и этот свет был таким ярким, что на мгновение ослепил даже меня. Он убрал руку, отступил — и свет тут же погас, оставив после себя лишь лёгкое покалывание в глазах и ощущение, будто я только что потеряла часть себя.

Что это означало? Моё тело действительно реагировало на него — но как? Почему? Я чувствовала, как внутри просыпается что-то древнее, забытое, словно кровь вспоминала старые клятвы, старые пути, о которых я ничего не знала. Вопросы кружились в голове, сталкиваясь друг с другом, но ответов не было — только ощущение, что я стою на краю пропасти и вот-вот сорвусь вниз.

Я медленно повернулась к нему, пытаюсь прочесть что-то

в его непроницаемом взгляде, но маска скрывала слишком многое, а глаза, хоть и горели, не выдавали ни мыслей, ни чувств — только этот странный, завораживающий огонь.

В дверь уборной резко постучали — три коротких удара, от которых я вздрогнула, выныривая из напряжённого молчания, как из воды, где слишком долго задерживала дыхание. За дверью раздался знакомый насмешливый голос Эйдана, такой обычный, такой земной, что на мгновение он показался мне спасением.

— Рия, ты там случайно не застряла головой в унитазе?

Незнакомец в плаще медленно повернул ко мне голову. В узких прорезях маски его огненные глаза вспыхнули ярче, словно от внутреннего пламени, которое разгоралось от гнева или чего-то ещё, чего я не могла понять. Он произнёс, растягивая слоги так, что каждое слово звучало как угроза:

— Ри-я... Тебя зовут Рия?

Я кивнула, стараясь не показывать волнения, но пальцы невольно сжались в кулаки, а в горле пересохло.

— Да, это моё сокращённое имя. Раз ты узнал, как меня зовут, может, скажешь, как тебя зовут? — в моём голосе звучала надежда на то, что имя сделает его чуть менее пугающим, чуть более человечным.

В дверь снова постучали. Голос Эйдана стал чуть тревожнее, в нём появились нотки, которых раньше не было — нотки, которые говорили о том, что он начинает беспокоиться по-настоящему.

— Может, ты реально застряла там? Мне войти?

Незнакомец шагнул ближе, почти касаясь меня плащом — ткань шевельнулась, как живое существо, и от этого стало ещё страшнее. Его голос опустился до шёпота, от которого по спине пробежал ледяной озноб, сковывая движения, заставляя застыть на месте.

— Твой дружок не должен знать обо мне, хорошо?

Я нахмурилась, пытаюсь осмыслить его слова, но они не хотели укладываться в голове, казались чужими, неправильными. Почему я должна скрывать от Эйдана — единственного человека, который остался рядом после смерти бабушки, который делил со мной холод и голод, который не раз спасал меня от самой себя — что встретила в женской уборной таинственного незнакомца? Его лицо скрывала маска, волосы тонули в тени капюшона, но глаза... Они притягивали, словно два раскалённых угля, и от этого он становился ещё более загадочным, почти завораживающим, и это очарование было опаснее любого клинка.

— Почему? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, но ровный голос не получался — в нём всё равно слышалась дрожь, выдававшая мой страх.

Он наклонился ближе, и в отражении зеркала я увидела, как его взгляд словно проникает в самую глубину моих мыслей, вытягивает наружу тайны, которые я прятала даже от себя.

— Если не хочешь видеть его труп — не говори обо мне. А

если скажешь, то не вини меня, когда он умрёт, — произнёс он тихо, но каждое слово падало, как камень, оставляя после себя вмятины в душе, которые не заживут никогда.

Эти слова повисли в воздухе, тяжёлые, как свинец, и я вдруг поняла, что стою на перепутье: сказать правду и рискнуть жизнью Эйдана или солгать и жить с грузом тайны, который будет становиться всё тяжелее с каждым днём.

Глава 2

ИСКОРКА

Он что, такая важная персона, о которой нельзя распространяться? Ладно, не буду с ним спорить. Не потому, что испугалась его угроз, а потому, что мне нужно подобраться к нему поближе, чтобы найти гибрида.

Я медленно кивнула:

— Я поняла. Никто не узнает о нашей встрече. — Сделав шаг вперёд, я схватила его за правое запястье обеими руками, чувствуя под пальцами твёрдые мышцы. — Я надеюсь, мы ещё встретимся?

Он хмыкнул, легко высвободив руку из моей хватки. Его пальцы на мгновение задержались у моей ладони, будто оценивая её тепло.

— Буду ждать тебя у...

— Я здесь впервые, — перебила я, оглядываясь на голые стены уборной. — Я даже не знаю, где это место.

— Тогда я загляну к тебе ночью, — закончил он, развернулся и шагнул в одну из кабинок.

Он резко развернулся, шагнул в одну из кабинок и с тихим щелчком прикрыл за собой дверь — но не запер. Я, не раздумывая, схватила холодную металлическую ручку, рванула её на себя и распахнула дверь.

Внутри было пусто. Абсолютно пусто. Никого.

Я ошарашенно оглядела тесное пространство: стены в потрёпанной керамической плитке, потрёпанный линолеум под ногами, унитаз с опущенной крышкой. Ни потайных дверей, ни люков в потолке, ни окон — ничего, что могло бы объяснить его исчезновение.

И что это получается?... Он?..

Нет, невозможно. Не мог же он... не мог же он буквально залезть в унитаз, а потом выбраться через канализацию, правда? Но где ещё он мог спрятаться? Здесь нет ни единого укромного места, ни малейшей лазейки.

Сердце застучало быстрее. Он и вправду... залез в унитаз?

От этой мысли меня передернуло. Мерзость. Чистая, неприкрытая мерзость. Там же... там же темно, тесно, мокро, воняет... Боже, даже представлять не хочу, каково это — оказаться внутри унитаза. Что там, как оно... какие ощущения, какой звук, какой запах... Нет, нет, нет! Я резко трянула головой, пытаюсь вытолкнуть из сознания эти жуткие образы..

Сглотнув, я вышла из уборной. Эйдан стоял, прислонившись к стене, скрестив руки на груди. При моём появлении он выпрямился:

— Почему так долго? — в его голосе сквозило раздражение, но глаза изучали моё лицо с непривычной внимательностью.

Я пожала плечами, стараясь говорить небрежно:

— Не знаю.

— Как это не знаю? — он шагнул ближе, всматриваясь в мои глаза. — Я что, должен гадать, из-за чего ты там задержалась на десять минут?

— А я обязана тебе отчитываться? — парировала я, пытаясь скрыть дрожь в голосе. — Может, мне просто нужно было подумать?

Эйдан усмехнулся, но в улыбке не было тепла:

— Было бы прикольно послушать, о чём.

Не сдержавшись, я легонько толкнула его в грудь:

— Ты невыносимый!

Развернувшись, я направилась к нашему столику. Он последовал за мной, но на этот раз молчал. Только взгляд, который я чувствовала спиной, говорил больше слов: он что-то заподозрил.

Мы вышли из здания. Вечерний воздух был прохладным, с лёгким ароматом хвои и сырой земли. Эйдан уверенно направился к мотоциклу. Я ухватилась за его плечи, села позади, привычно обхватила его талию — на этот раз не легко, а крепко, будто искала опору в вихре мыслей. Мотоцикл взревел, и мы тронулись, оставляя за собой облако пыли и мерцающие огни города.

Эйдан вёл мотоцикл вглубь леса. Тёмные силуэты деревьев смыкались над нами, образуя естественный туннель, где свет фар выхватывал лишь узкие полосы дороги. Я всматривалась в мелькающие очертания, пытаюсь угадать, где может

находиться дом. В голове неотступно крутилось событие в уборной: незнакомец сказал, что заглянет ко мне ночью. Но знает ли он, где мой дом? Конечно, нет... Если только... Если только он не следит за нами прямо сейчас, чтобы выяснить, где живёт девушка, чьи глаза светятся от его прикосновений.

Я огляделась, но кроме высоких сосен и елей, окутанных сумраком, ничего не было видно. Лес молчал, словно затаил дыхание.

Внезапно Эйдан воскликнул:

— Рия, это твой дом?

Мы подъехали ближе, и я смогла разглядеть его чётче. Перед нами стоял двухэтажный дом серо-белого цвета — один из тех, что оставили мне родители. Его фасад был выложен гладким камнем, а окна обрамлены резными деревянными наличниками, потемневшими от времени. Крыша, покрытая серой черепицей, слегка покатая, с двумя дымоходами по краям. У входа — небольшое крыльцо с коваными перилами, а по бокам от двери росли кусты роз, сейчас спящих под слоем опавшей листвы. Дом выглядел одновременно строгим и уютным, будто хранил в себе тысячи невысказанных историй.

Мотоцикл остановился. Я сняла шлем, сошла на землю, чувствуя, как под ногами хрустит сухая хвоя. Подойдя к двери, я заметила артефакт — плоский диск с выгравированными цифрами, вмонтированный в створку. Его поверхность

мерцала слабым голубым светом, словно живое существо, ждущее команды.

«К счастью, его можно открыть не только ключами», — подумала я, вглядываясь в ряды цифр. Артефакт должен работать всегда, даже если прошло много лет с тех пор, как здесь кто-то был.

Я зажмурилась, пытаюсь вспомнить, какие цифры вводила тогда бабушка. В памяти всплывали обрывки: её пальцы, тонкие и чуть дрожащие, нажимали на определённые символы... Я долго стояла, перебирая варианты, пока в голову не пришли несколько чисел: 123076. Ввела их — артефакт издал резкий писклявый звук и загорелся красным.

Неправильно...

Но что именно? Я отчётливо помнила, как бабушка нажимала на эти цифры. Ещё раз всё обдумав, я поняла: ошиблась в последней. Вместо «6» она вводила «9».

Я повторила комбинацию: 123079. Артефакт тихо зажужжал, затем вспыхнул зелёным светом. Схватившись за ручку, я толкнула дверь — она открылась с тихим скрипом, впуская нас внутрь.

Эйдан последовал за мной.

Внутри дом оказался неожиданно светлым и чистым. Стены были выкрашены в тёплый бежевый оттенок, а пол покрыт широкими дубовыми досками, отполированными до мягкого блеска. В центре располагалась просторная гостиная с массивным камином, над которым висело зеркало в

резной раме. По бокам — два глубоких кресла с пледами, а между ними — низкий столик из тёмного дерева. В воздухе пахло воском и лавандой, будто кто-то только сегодня навёл здесь порядок.

Но в нём давно никто не живёт... И о его существовании знала только бабушка. Может, она использовала какой-то артефакт для сохранения чистоты?

Эйдан присвистнул.

— Шикарный дом! Так где я буду спать?

— Всего в доме шесть комнат: две снизу и четыре сверху. Можешь выбрать любую снизу, потому что я буду на втором этаже, — ответила я.

Он усмехнулся.

— Значит, ты помнишь, сколько тут комнат?

Я кивнула.

— Да. Возможно, я была здесь всего один раз, но количество комнат я запомнила.

— Тогда я пойду спать. И ты тоже иди, — сказал он, направляясь к первой двери слева.

Открыв её, он заглянул внутрь, затем отстранился и закрыл. Перешёл ко второй, распахнул её и шагнул внутрь. Поскольку он не вышел, я поняла: ночевать он будет там.

Я медленно поднялась по лестнице на второй этаж. Ступени не издавали ни звука, будто поглощали каждый шаг. Наверху коридор был уже, с четырьмя дверями по обе стороны. Я выбрала ту, что находилась напротив окна, выходя-

щего на лес. Открыв её, оказалась в спальне — просторной, с большой кроватью под балдахином, письменным столом у окна и шкафом из тёмного дерева. На стенах — картины с пейзажами, которые я помнила с детства: озеро, окружённое соснами, и закат над горами.

Закрыв дверь, я подошла к окну. Лес за стеклом казался бесконечным, его тёмные силуэты сливались с ночным небом. Где-то там, среди деревьев, мог скрываться тот самый незнакомец. И он обещал прийти.

Я вздохнула, чувствуя, как усталость накатывает волной. Но прежде чем лечь, нужно было проверить, всё ли готово. Я подошла к шкафу, открыла его — внутри лежали чистые простыни и одеяла. Бабушка всегда заботилась о том, чтобы в доме было всё необходимое.

Разложив постель, я села на край кровати. В тишине дома слышалось лишь моё дыхание и отдалённый шум ветра за окном.

В горле пересохло, и я решила спуститься вниз, чтобы попить воды. Спускаясь по лестнице, я не стала включать свет — зачем он нужен? В кухне царила уютная темнота, лишь слабый лунный луч пробивался сквозь окно, рисуя на полу серебристый узор.

Открыв холодильник, я заметила бутылку воды. «Интересно, если я её выпью, не отравлюсь?» — мелькнула глупая мысль. Открыв крышку, сначала понюхала: вода ничем не пахла. Ну конечно, а чем может пахнуть обычная вода?

Я подняла руку с бутылкой, уже собираясь сделать глоток, — и вдруг почувствовала, как чья-то рука мягко ложится мне на талию. Я резко шагнула вперёд, развернулась — и от неожиданности выплеснула воду прямо на тёмный силуэт перед собой.

Если это Эйдан, то он меня здорово напугал! Сквозь сумрак я разглядела знакомые огненные всполохи в глазах. Это был тот самый таинственный незнакомец из женской уборной.

«Он правда здесь? Как он вошёл?» — мысли метались в голове, пока он шагнул ближе, легко подхватил меня за талию и усадил на широкий подоконник у кухонной раковины. Разведя мои ноги, он встал между ними — так близко, что я ощущала его дыхание сквозь маску.

— Хотела отравиться? — его низкий голос прозвучал почти насмешливо.

Вместо того чтобы оттолкнуть его, я провела рукой по твёрдым мышцам его пресса, поднимаясь выше, к плечам. Игриво улыбнувшись в темноте, сказала:

— Нет, просто умираю от жажды. Может, у тебя найдётся пара глотков воды? Или ты предпочитаешь что-то покрепче?

Когда мои ладони коснулись его плеч, я замерла от удивления: ткань плаща была абсолютно сухой.

— Почему ты не мокрый? — спросила я, нахмурившись. — Я же вылила на тебя целую бутылку!

Он издал лёгкий смешок, шагнул ещё ближе — так, что

наши носы почти соприкоснулись.

— Хочешь, чтобы я был мокрый? — прошептал он, и в его голосе прозвучала неприкрытая насмешка.

Мне вдруг стало любопытно: что он сделает, если я подойду ещё ближе? Я подалась вперёд — и, к моему удивлению, он слегка отстранился. Не дав ему времени на размышления, я схватила его за руку и потянула за собой наверх, в свою комнату.

Оказавшись внутри, я включила лампу на прикроватной тумбочке. Тёплый жёлтый свет залил пространство, высветив детали: кровать с балдахином, старинный шкаф у стены, на окне — лёгкие занавески, колышущиеся от ночного ветра. Присев на край кровати, я посмотрела ему в глаза:

— Я серьёзно. Почему ты не промок? Я же вылила на тебя бутылку воды!

Он слегка склонил голову, и в прорези маски глаза сверкнули ярче:

— Я маг.

Маг? — сердце ёкнуло. Это многое объясняло: и исчезновение из уборной, и то, как он оказался здесь, в доме, куда никто не мог проникнуть незамеченным.

— Как тебя зовут? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо.

— Ты хочешь познакомиться, Искорка? — отозвался он с лёгкой усмешкой.

— Меня зовут Рия. Рия. Не называй меня Искоркой. По-

нятно? — я нахмурилась, встала и подошла вплотную.

Его рука вдруг обхватила мою шею — не грубо, но властно.

— Твои глазки снова светятся, — произнёс он, и в голосе прозвучало что-то похожее на восхищение.

Внутри меня боролись страх и решимость. Нужно было узнать, почему мои глаза светятся — и, возможно, этот маг мог дать ответ. Да, это рискованно, но он уже видел мою тайну.

— Мне нужна твоя помощь, — выпалила я.

— Я никогда не помогаю просто так, — отрезал он.

— Мне нужно найти гибрида из клана Грозоловов. Он должен отвести меня к богине Вейлдриссе. Если поможешь его отыскать, я сделаю всё, что захочешь.

Он откинул голову назад и рассмеялся — коротко, глухо:

— К богине?

— Не смейся, — твёрдо сказала я.

— Ты обычный человек и не сможешь с ней встретиться, — произнёс он, слегка покачав головой.

Конечно, я понимала его реакцию. Да, может, я и обычный человек, но вдруг у меня получится? Я не думаю, что бабушка стала бы мне это писать, если бы это было невозможно.

— Твои глазки с детства светились? — вдруг спросил он, пристально вглядываясь в моё лицо.

— Да, — ответила я. — В детстве они горели голубым

пламенем всегда, а сейчас возникают только в те моменты, когда сердце бьётся сильнее... и... когда ты прикасаешься ко мне.

Он кивнул, неожиданно схватил меня за волосы — достаточно крепко, чтобы я невольно опрокинула голову назад, открывая доступ к шее. Он приблизился, и я почувствовала его нос у своей кожи — он словно принюхивался. По спине пробежали мурашки, но я не пыталась отстраниться: вырваться из его хватки было невозможно без риска остаться без половины волос.

Что он делает? Зачем ему это нужно?

В следующую секунду я ощутила нечто странное: острые клыки у самой шеи. Он укусил меня — не обычными человеческими зубами, а именно клыками. Боль была резкой, но не настолько сильной, чтобы закричать. Он убрал клыки и начал посасывать место укуса — он пил мою кровь!

Чтоб его! Он не просто маг! Магам не нужна кровь, и у них нет клыков...

Он остановился, поднял голову.

— Зачем ты выпил мою кровь? — выдохнула я, чувствуя, как страх смешивается с гневом.

Он издал низкое, едва уловимое рычание:

— Я узнал всё, что мне нужно.

Затем он отступил, бросил через плечо:

— Пока, сладкая девчуля.

И в ту же секунду исчез — просто растворился в воздухе,

оставив после себя лишь лёгкое мерцание и запах мускуса. Он использовал магию.

Я осталась сидеть на краю кровати, дрожа и прижимая ладонь к шее. Значит, он маг... Но почему у него были клыки? И почему он рычал, как... как животное?

Мысли путались. Что он узнал из моей крови?

Я медленно поднялась, подошла к зеркалу. На шее виднелся след от укуса — два прокола, вокруг которых уже проступила кровь. Прикоснулась к коже — она пульсировала, но боль отступала.

«Кто же ты на самом деле?» — подумала я, глядя на своё отражение. Ответа не было. Но теперь я точно знала: эта ночь — только начало чего-то гораздо более масштабного и опасного, чем я могла себе представить.

Проснувшись, я потянулась всем телом, стараясь стряхнуть остатки тревожного сна, который цеплялся за сознание, словно липкая паутина. Позвоночник хрустнул, и это короткое, почти раздражающее ощущение вернуло меня в реальность — но лишь на мгновение. В голове всё ещё крутились образы минувшей ночи: огненные глаза, горящие, будто в них плескалось само пламя; клыки у самой шеи — холодные, острые, пугающе близкие; и внезапное исчезновение незнакомца, которое было не просто уходом, а чем-то вроде растворения в воздухе, будто он никогда и не существовал. Поёжившись от воспоминаний, я встала, чувствуя, как пол хо-

лодит босые ступни, и медленно спустилась вниз, держась за перила, чтобы не оступиться на знакомой, но в полутьме ставшей чужой лестнице.

В кухне пахло овсянкой — густой, тёплой, с лёгкой молочной сладостью — и свежей клубникой, чей аромат был таким ярким, что казался почти осязаемым.

Эйдан сидел за столом и неторопливо ел, двигая ложкой с размеренностью человека, который привык начинать день с простых, понятных вещей. Лучи утреннего солнца пробивались сквозь полупрозрачные занавески, рисуя на полу светлые квадраты, которые дрожали и переливались, когда ветер шевелил ткань. Он поднял глаза, заметил меня и улыбнулся — не широко, а так, по-домашнему, будто ничего необычного в мире не происходило.

— Доброе утро, Рия, — произнёс он спокойно, и от этого спокойствия на секунду стало легче, будто весь ночной кошмар был просто сном, не имеющим власти над днём.

Я подошла и под села к нему, чувствуя, как от запаха еды слегка подкатывает тошнота — не от голода, а от нервного напряжения, которое никак не хотело уходить.

— Откуда овсянка? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал буднично, без намёка на ту бурю, что бушевала внутри.

— Купил, — спокойно ответил он, поддевая ложкой очередную порцию и отправляя её в рот. — Но только одну. Ты же не любишь овсянку.

Я кивнула, соглашаясь, хотя в этот момент мне было всё равно, что есть. Да, я не люблю овсянку — не то чтобы не могла её съесть, но если выбирать между тыквой, которую я терпеть не могу, и овсянкой, я, конечно, выберу овсянку. Это был странный, почти детский выбор, но он почему-то казался важным, как будто напоминал о том, что в мире есть простые вещи, которые можно контролировать.

— Я ещё купил воду, она в холодильнике, — добавил он, будто перечислял пункты из списка, который составил накануне.

Я встала, подошла к холодильнику, открыла дверцу — прохладный воздух коснулся лица, на мгновение остудив разгорячённую кожу. Достала бутылку, налила воду в стакан и сделала несколько жадных глотков. Холодная вода освежила, прокатилась по горлу, но не смогла прогнать мысли о минувшей ночи. В голове снова всплыли картины: его лицо без маски — резкие, почти хищные черты; кровь на губах, тёмная и пугающая; мерцание магии перед исчезновением — будто пространство вокруг него на секунду перестало быть реальным, а затем схлопнулось, оставив после себя только тишину.

Мне нужно найти этого... — я задумалась, пытаюсь подобрать слово, которое не звучало бы слишком нелепо вслух. — И как мне его называть? Он маг, но у него есть клыки, как у волка. Он выпил мою кровь, как вампир. Может, он три в одном? Но всё же из этих трёх вариантов я бы предпочла

называть его... Волк. Это слово казалось проще, приземлённее, будто если я назову его так, он станет чуть менее пугающим, чуть более понятным.

Эйдан отпил чаю, поставил кружку на стол с лёгким стуком и посмотрел на меня — не просто взглянул, а всмотрелся, будто пытался прочитать в моих глазах то, что я не говорила вслух.

— Что планируешь? — спросил он, и в этом вопросе не было давления — только искренний интерес человека, который хочет помочь, даже если не до конца понимает, в чём проблема.

Я замерла с полупустым стаканом в руке, чувствуя, как стекло холодит пальцы. Говорить ему о Волке? Всё-таки он мне помогает, и на данный момент — единственный, на кого я могу положиться. Даже если я ему не совсем доверяю. Доверие — странная штука: я знала Эйдана с детства, знала его привычки, его шутки, его манеру хмурить брови, когда он о чём-то напряжённо думает. Я знала, что он терпеть не может персики, но ест их, когда я готовлю персиковый пирог, потому что знает, как я стараюсь. Я знала его, как свои пять пальцев... Но доверять кому-либо у меня не получалось. Слишком много раз доверие оборачивалось болью, слишком много раз люди, которым я верила, исчезали или предавали.

Мысли метались, сталкивались друг с другом, не давая собраться.

Рассказать о Волке — значит втянуть Эйдана в ещё од-

ну опасную игру, правила которой я сама не до конца понимаю. Но что, если он сможет помочь? Что, если его знание окрестностей, его умение находить выход из любой передраги окажется тем самым ключом, который откроет нужную дверь? Но если он узнает правду, если поймёт, насколько всё серьёзно, он может запретить мне идти дальше — или, что ещё хуже, пойти со мной, рискуя собой ради меня. А этого я не хотела.

Эйдан нахмурился, и его лицо вдруг стало таким знакомым и чужим одновременно — будто я смотрела на него сквозь толщу воды, где все линии размывались.

— Рия! — резко произнёс он, и этот оклик прозвучал как удар, вырывая меня из собственных мыслей.

Я подняла глаза на него и поняла, что он разозлился — но не на меня, а скорее на то, что не мог до меня достучаться. На что именно он злился, я не могла понять, и от этого становилось только хуже. Он подошёл ближе, вглядываясь в моё лицо так, будто искал там ответы на вопросы, которые ещё не успел задать.

— Ты что-то от меня скрываешь! — сказал он твёрдо, без обвиняков, и в его голосе прозвучала не злость, а обида — та самая, которая появляется, когда близкий человек начинает строить стены между вами.

— Нет, — покачала я головой, стараясь говорить ровно, чтобы голос не выдал того, как сильно дрожат внутри все мои нервы. Внутренний голос подсказывал: пока рано делиться с

ним о Волке. Рано и опасно. — Что я могу скрывать? — добавила я, стараясь вложить в эти слова всю возможную искренность, но даже мне самой они показались пустыми, будто эхо в пустой комнате.

Он слегка смягчился, но взгляд остался настороженным — как у человека, который знает, что ему не говорят всей правды, но пока готов мириться с этим ради сохранения хрупкого мира.

— Не знаю... — протянул он, проводя рукой по волосам, будто пытаюсь привести в порядок не только причёску, но и мысли. — Но ты какая-то задумчивая. Не такая, как обычно. Будто ты здесь, но мыслями где-то далеко.

Я вздохнула, подбирая слова так осторожно, будто они были стеклянными и могли разбиться от любого резкого движения.

— Конечно, задумчивая, — сказала я, опуская взгляд на стол, где на скатерти виднелся едва заметный узор, который я вдруг начала рассматривать с преувеличенным вниманием. — Я ведь совсем недавно потеряла бабушку... А ещё теперь нужно искать этого гибрида, о котором мы не имеем ни малейшего представления. Это всё давит. Каждый шаг — как прыжок в темноту, где неизвестно, есть ли внизу земля.

— Ладно, прости, — тихо произнёс он, и я почувствовала, как напряжение между нами немного ослабло, словно туго натянутая струна чуть-чуть распрямилась. — Просто я знаю тебя, и сегодня ты кажешься... эм... другой? Как буд-

то кто-то стёр часть тебя, а новую ещё не успел нарисовать. Эх, забей. Что будем делать? Есть план? — добавил он, слегка потирая затылок, и этот привычный жест вдруг показался мне таким родным, что на мгновение захотелось рассказать ему всё — без утайки, без страхов, просто выложить все карты на стол.

Я снова вздохнула и опустила взгляд на стол, рассматривая узор на скатерти так внимательно, будто от него зависела моя жизнь. У меня нет никакого плана. Моя любимая бабушка не оставила мне даже малейшей подсказки — кроме того, что я должна отыскать какого-то гибрида.

Ну, хоть за это ей спасибо... Хотя «спасибо» звучало горько, почти издевательски, потому что эта подсказка была такой туманной, что могла вести куда угодно — или никуда. Единственное, о чём я сейчас думала, — где найти этого Волка. Хотя... погодите. Почему именно Волка? Не только у него есть клыки. Возможно, он — другое животное. Или, может, вообще не животное... Но если не животное, его бы не впустили на эту территорию.

Я на мгновение замерла, обдумывая это противоречие, и оно вдруг показалось мне важным, словно крошечный кусочек мозаики, который мог изменить всю картину. Погодите, я тоже не животное, но сейчас нахожусь не на своей территории... Ну, это, конечно, пока. Потому что я ещё не встретилась с людьми главы клана, и кто знает, как они отреагируют на моё появление.

Я взяла с тарелки Эйдана клубнику, засунула её в рот и проглотила, почти не чувствуя вкуса — только сладкую, сочную текстуру, которая на мгновение отвлекла от мыслей. Может, сказать ему, что умираю с голоду? Тогда он отвезёт меня во вчерашнее место — и, возможно, я смогу встретить незнакомца там снова, — пронеслось в голове. Мысль была не самой честной, но она казалась единственным реальным шагом вперёд.

— Давай сначала поедим? — предложила я, стараясь говорить как можно непринуждённое, будто это была самая обычная просьба, а не попытка манипулировать ситуацией. — Отвезёшь меня во вчерашнее место?

Эйдан усмехнулся, откинувшись на спинку стула и скрестив руки на груди — в этой позе было столько привычной уверенности, что она почти заражала.

— Там почти нет нечего, что ты могла бы покушать, — возразил он, глядя на меня с лёгкой насмешливостью, которая, однако, не была злой. — Давай лучше в другое место отведу. Туда, где есть нормальная еда, а не пара тарелок и чашка кофе.

— Нет, я хочу туда, — твёрдо сказала я, стараясь не выдать, насколько мне важно вернуться именно в то место.

Он приподнял бровь, изучая меня так, будто видел впервые, и на его лице мелькнуло понимание — не полное, но достаточное, чтобы он перестал спорить. Потом он вздохнул, сдаваясь, но сдаваясь с условием.

— Ладно. Только платить будешь ты — я не богатый, в отличие от тебя, — сказал он и ткнул в меня пальцем, но в этом жесте не было обиды — только привычное подтрунивание, которое всегда помогало нам не воспринимать мир слишком серьёзно.

Когда мы оказались внутри уютного кафе, Эйдан заказал маффины — те самые, что вчера закончились. Я, сославшись на необходимость зайти в туалет, начала осторожно осматривать окрестности.

Мой взгляд зацепился за чёрную дверь — ту самую, за которой вчера играла громкая музыка. Я тихонько приоткрыла её и заглянула внутрь. Там никого не было, но обстановка явно указывала на то, что это был бар.

Решив проверить последнюю надежду, я направилась в уборную — вдруг Волк любит это место? Но, увы, там его тоже не оказалось.

Вернувшись к столику, я села, взяла маффин и откусила кусок, запивая кофе. Настроение стремительно падало.

Что мне делать? Возможно, как я и думала ранее, стоит опросить каждого прохожего: знает ли он гибрида, который видел богиню? Ну что за чушь... Я даже сама не верю в то, что какой-то гибрид видел саму богиню.

Я тяжело вздохнула, глядя в окно.

И ещё этот факт... Что во всём Глиммервуде³ существует

³ Глиммервуд – локальное обозначение земной поверхности.

около тысячи гибридов. Как я найду нужного среди них?

Я окинула взглядом зал и заметила у окна девушку с яркими рыжими волосами, собранными в высокий хвост. В свете ламп пряди отливали чистым золотом, словно в них запутались солнечные лучи. Что-то в её облике показалось мне необычным — едва уловимая грация движений, чуть заострённые черты лица, будто выточенные искусным мастером.

Может, мне к ней подойти? Сердце забилося чаще, ладони слегка вспотели, но я глубоко вздохнула, собрала волю в кулак и решительно направилась к её столику.

— Привет, — осторожно начала я, остановившись рядом и стараясь унять дрожь в голосе. — Можно присесть?

Девушка подняла на меня глаза — янтарные, с вертикальным зрачком, как у настоящей лисицы, — и слегка улыбнулась, обнажив чуть заметные клыки:

— Конечно. Присаживайся, — её голос звучал мягко, с лёгкой игривой ноткой.

Я опустилась на стул напротив, невольно залюбовавшись её движениями — плавными, почти танцевальными.

— Я... извини за странный вопрос, — я понизила голос, наклонившись ближе, — ты не слышала о гибриде, который видел богиню?

Она на мгновение замерла, её глаза расширились, а потом она тихо рассмеялась — звонко и искренне, прикрыв рот ладонью:

— Богиню? Впервые слышу о такой легенде. Но гибри-

дов я знаю немало. Меня, кстати, зовут Ли́ра — я хитрая и коварная лисица, поэтому лучше держаться от меня подальше, если не хочешь потерять что-то дорогое и ценное, — она подмигнула, и в её взгляде заплясали озорные искорки.

Мы обе рассмеялись, и напряжение, сковывавшее меня, начало понемногу отпускать. Ли́ра оказалась удивительно лёгкой в общении — от неё исходила какая-то тёплая, располагающая энергия.

— Рия, — представилась я, чувствуя, как становится легче на душе. — Просто... мне нужно найти одного конкретного. Он из клана Грозоловов.

Ли́ра задумчиво покрутила чашку с чаем, наблюдая, как на поверхности играет блик света.

— Их много в городе, — протянула она. — Но если ты ищешь кого-то особенного... Может, ты имеешь в виду Зейна? Он самый заметный из них. Правда, говоря, он не слишком дружелюбный и порой вспыльчив.

Моё сердце ёкнуло.

— Ты его знаешь? Где его найти? — я подалась вперёд, едва сдерживая нетерпение.

— Его можно найти на утёсе — место живописное, но добираться туда долго. Впрочем, иногда он приезжает ко мне в гости, — Ли́ра подмигнула. — Хочешь, я тебя с ним познакомлю? У него ещё нет пары... Хотя, если ищешь партнёра, выбирай другого лиса. Потому что, даже если по природе лисы моногамны, Зейн явно полигамный.

— Взяла на заметку, — улыбнулась я. — Но я здесь не ради пары. Когда он к тебе придет?

— Не знаю, — Лира слегка развела руками. — Обычно он не предупреждает и приходит в любое время. Давай так: я найду тебя, когда он придет ко мне, хорошо?

Теперь у меня появился реальный след — и, кажется, новый друг. Но тут же в голове зароились сомнения: А вдруг она про меня забудет? Мы ведь только познакомились, знаем лишь имена друг друга... Может, она что-то скрывает? Откуда ей знать, что я не хочу навредить Зейну? Вдруг я ищу его, чтобы отобрать какие-то ценные кристаллы?

Но я отогнала тревожные мысли. В конце концов, пока что Лира вела себя открыто и дружелюбно.

— Хорошо, — кивнула я. — Но как ты меня найдёшь? Ты же даже не знаешь, где я живу.

— У меня свои методы, — подмигнула она и легко скользнула к выходу — её движения были плавными и стремительными, как у настоящего лесного зверя. Рыжий хвост мелькнул среди посетителей и исчез за дверью.

Я откинулась на спинку стула, глубоко вздохнула и улыбнулась. Идея подойти к ней оказалась действительно хорошей. Внутри зарождалась робкая надежда: возможно, всё не так безнадежно, как казалось утром.

Эйдан, до этого молча наблюдавший за разговором со стороны, подошёл и сел напротив, скрестив руки на груди. В его глазах читалось любопытство, смешанное с лёгкой иронией.

— Та красотка сказала, что ты дура, и, послав тебя, ушла?
— усмехнулся он.

— Нет, — я улыбнулась шире, и в этот раз улыбка получилась искренней, тёплой. — Мы вроде как подружились. И кажется, мы наконец сдвинемся с мёртвой точки.

Теперь осталось только ждать — неизвестно сколько, пока Зейн не придёт к Лире. Но я надеюсь, она про меня не забудет. Я помолчала, обдумывая следующий шаг, и повернулась к Эйдану:

— У тебя нет никого знакомого из Грозоловов? Может, кто-то из твоих друзей? Было бы здорово получить ещё одну зацепку.

Эйдан помолчал, потом вдруг хлопнул ладонью по столу:

— У меня есть друг. Он — правая рука главы Грозоловов. Наверняка он знает тут всех, кто хоть как-то связан с гибридами.

— Тогда поехали к нему, — сказала я, чувствуя, как внутри нарастает смесь тревоги и предвкушения. — Чем скорее мы начнём, тем быстрее что-то выясним.

Мы вышли из кафе и направились к припаркованному неподалёку мотоциклу. Эйдан снял с руля шлем и протянул мне:

— Надевай. И держись крепче — ехать придётся через Старый квартал, а там дороги такие как я непослушные и опасные.

— Прекращай ты очень даже послушный и не опасный.

Он посмеялся.

Я натянула шлем, поправила застёжку и осторожно устроилась позади него. Эйдан завёл двигатель. Мотоцикл вздрогнул, зарычал и рванул с места. Ветер ударил в лицо, замескали фасады домов — сначала уютные кафе и лавки Центрального района, затем более мрачные каменные здания Старого квартала.

Глава 3

ИСКОРКА

Мы петляли по узким улочкам, объезжая редкие повозки и спешащих по делам прохожих. Мы ехали примерно полчаса, пока вдали не показалось огромное чёрное здание. Оно возвышалось над деревьями, словно древняя крепость, поглощающая свет. Его стены были гладкими, почти зеркальными, но при этом абсолютно чёрными — ни отблеска, ни блика.

Мы остановились. Сняв шлем, Эйдан повернулся ко мне и строго сказал:

— Держи язык за зубами, поняла?

— Язык и так за зубами, — ответила я, стараясь скрыть волнение.

Он нахмурился:

— Твой язычок явно перед зубами.

Я скорчила весёлую гримасу:

— Спасибо за комплимент.

— Не за что. Но я серьёзно, — повторил он, глядя мне в глаза. — Тут свои правила. Один неверный шаг — и нас выставят за дверь. Или того хуже.

Я махнула рукой несколько раз и пробормотала:

— Хорошо, хорошо. Буду молчать как рыба.

Оставив мотоцикл у обочины, мы приблизились к зданию.

У входа стояли двое мужчин. Они были невероятно высокого роста — не меньше двух метров — и с огромными мышцами, которые бугрились под чёрной одеждой. Их бицепсы, казалось, были в шесть раз больше моей головы. Лица у них были суровые, без малейших эмоций, а глаза — холодные, как лёд.

Мы подошли ближе, но они никак не отреагировали, будто нас здесь не было. Эйдан спокойно коснулся двери рукой — та с тихим шипением открылась. Он шагнул внутрь, и я последовала за ним.

Но стоило мне лишь переступить порог, как двое стражей мгновенно ожили. Они схватили меня по обе стороны, легко, будто куклу, оторвали от земли и потащили назад. Подняли на уровень своих лиц, держа за плечи мизинцами — настолько легко, что это выглядело издевательски.

— Эй! — только и успела вскрикнуть я, прежде чем они швырнули меня назад.

Я с грохотом упала на землю. Удар пришёлся на копчик — боль пронзила позвоночник, заставив невольно вскрикнуть. В глазах потемнело на мгновение, а в ушах зазвенело.

Эйдан, увидев это, тут же бросился ко мне. Он помог мне подняться, поддерживая за локоть.

— Ты в порядке? — спросил он, хмуро глядя на стражей.

Я выпрямилась, потирая копчик, и гневно повернулась к здоровякам:

— Вы что творите?! То, что вы оба в сто раз больше и вы-

ше меня, не значит, что вы можете швырять меня на землю, как какого-то комара!

Эйдан ткнул меня локтем в руку, и я повернула к нему голову, всё ещё потирая ушибленное место:

— Что?!

Он посмотрел на стражей и твёрдо произнёс:

— Она со мной.

С этими словами он подхватил меня под локоть и решительно провёл внутрь здания.

Как только мы оказались внутри, я замерла от изумления. Снаружи здание выглядело мрачным и угрожающим, но внутри всё блестело золотистым светом. Стены были отделаны полированным золотом, на полу лежал узорчатый ковёр с золотыми нитями, а вдоль коридоров стояли статуи, инкрустированные драгоценными камнями. Мягкий свет лился из настенных светильников, напоминающих люстры из хрусталя и золота. Даже воздух здесь казался другим — густым, насыщенным ароматом благовоний и чего-то древнего, могущественного.

Похоже, они действительно богаты. И не просто богаты... Это место дышит властью.

Я сделала несколько шагов вперёд, не в силах оторвать взгляд от роскоши вокруг. Восхищение всё ещё переполняло меня — каждый элемент убранства словно манил рассмотреть его поближе.

Внезапно из боковой двери появилась высокая рыжеволо-

сая девушка. Она была одета в строгую блузку и юбку тёмного оттенка, которые контрастировали с её яркими волосами. Карие глаза незнакомки смотрели холодно и пронизательно — в них читалась настороженность, будто она оценивала нас с первого мгновения.

Девушка едва заметно кивнула и, не произнеся ни слова, направилась в один из боковых проходов. Эйдан без колебаний последовал за ней, а я, помедлив секунду, поспешила за ним.

Мы оказались в просторной комнате с высокими потолками. В центре стоял массивный стол из тёмного дерева с резными ножками, а за ним — развёрнутый к нам стул. Спинка скрывала того, кто в нём сидел, но по едва уловимому движению и тени на полу было ясно: там кто-то есть. Воздух в помещении казался гуще, словно пропитанный ожиданием чего-то важного.

Рыжеволосая остановилась у края стола, выпрямилась и чётко произнесла:

— Господин, к вам Эйдан и его... спутница.

Её голос прозвучал ровно, без лишних эмоций. Бросив на нас последний взгляд, она развернулась и бесшумно покинула комнату, оставив нас наедине с неизвестным хозяином.

Стул плавно развернулся, и я увидела перед собой кареглазого рыжеволосого мужчину. Он был одет в чёрные брюки и яркую оранжевую рубашку, которая подчёркивала его необычный облик. Одного взгляда хватило, чтобы понять:

передо мной — лис. В его манерах, в лёгком прищуре глаз, в едва заметной ухмылке читалась хитрая натура.

Мужчина поднялся и подошёл ближе. Его рост оказался примерно таким же, как у меня — а я, при своих сто семьдесят шести сантиметрах, для восемнадцатилетней девушки считалась довольно высокой. Эйдан, стоявший рядом, всё равно возвышался над ним.

— Какими судьбами? — властно произнёс мужчина.

Эйдан улыбнулся и дружески стукнул его кулаком о кулак.

— Нам нужна твоя помощь, — прямо сказал он.

— Выкладывай, — коротко ответил мужчина, переводя взгляд с Эйдана на меня.

Эйдан обернулся ко мне:

— Это моя подруга Рия.

Мужчина шагнул ко мне и протянул руку. Что-то внутри подсказало: лучше держаться от него подальше. Я не стала пожимать ладонь, вместо этого слегка отступила и вежливо произнесла:

— Мои руки немного вспотели, не хочу доставлять вам дискомфорт... господин?..

Он без тени обиды убрал руку в карман и спокойно ответил:

— Торн. Меня зовут Торн.

— Приятно познакомиться, господин Торн, — повторила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Эйдан, не теряя времени, перешёл к делу:

— Сколько всего гибридов в твоём клане?

Торн слегка приподнял бровь, помолчал несколько секунд, словно взвешивая ответ, а затем произнёс:

— Примерно двадцать. А для чего вам это?

Я напряглась. Мне совсем не хотелось, чтобы Эйдан раскрывал все карты Торну — хватило того случая с Волком, который выслушал мою историю и просто ушёл, оставив меня одну со всеми проблемами. Прежде чем Эйдан успел что-то сказать, я вмешалась:

— Просто помогите нам, пожалуйста. Нам нужен гибрид хищников. Причину я назвать не могу — это слишком личное.

Торн задумчиво кивнул, будто взвешивая услышанное.

— Понимаю, — наконец произнёс он. — Хорошо, я вам помогу. Но...

— Но? — настороженно переспросил Эйдан.

— Но при условии, что ты останешься здесь, — закончил Торн, пристально глядя на Эйдана.

— Зачем тебе я? — нахмурился тот.

— Потом узнаешь, — уклончиво ответил Торн. — А сейчас отведи свою подругу в гостиницу. Я позабочусь о том, чтобы все гибриды были здесь к нужному времени.

Мы только собирались выходить, но внезапно Торн сказал:

— Эди, дай мне минутку с твоей подругой.

— Да, конечно, — отозвался Эйдан и вышел, оставив ме-

ня одну с незнакомым человеком. Ещё друг называется! — с досадой подумала я, чувствуя, как внутри закипает тревога.

Я повернулась к Торну, но не стала ничего говорить. Моё сердце заколотилось быстрее, когда он начал медленно приближаться. Отступать было некуда — я и так стояла почти вплотную к двери. Что делать? — пронеслось в голове. Я вытянула руки вперёд, и они упёрлись в его грудь: я пыталась удержать Торна на расстоянии, но он всё равно приближался, шаг за шагом, неотвратимо. Я ощутила, как паника сдавливает горло.

— Что вы делаете?! — воскликнула я, голос дрогнул от возмущения.

Он прижал меня к двери и склонился к моему уху, шёпотом произнеся:

— Рия, не двигайся. Дай мне насытиться твоим запахом.

Да что такое с моим запахом? Волк тоже меня нюхал, а теперь и лис... Почему именно я? И почему это так униЗИтельно? Воспоминание о Волке хотя бы не вызывало такого раздражения, как происходящее сейчас. Торн прижался носом к моей шее, и по коже пробежали неприятные мурашки. Когда я ощутила его руку на талии, моя нога рефлексорно поднялась — я хотела его ударить, но прежде чем успела это сделать, он ловко схватил мою лодыжку.

Блин! Ко мне хлынула волна ярости, смешавшаяся с беспомощностью.

— Отпустите меня! — резко бросила я. — Что вы себе

позволяете?!

Торн чуть отстранился, но ногу не отпустил — его пальцы всё ещё сжимали мою лодыжку.

— Характер имеем, не так ли?— тихо произнёс он, чуть склонив голову. В его карих глазах мелькнуло что-то странное: смесь любопытства и восхищения. — А твой запах... необычный и... успокаивающий. Ты ведь не просто человек, верно?

Я сжала кулаки, стараясь унять дрожь в руках. Я обычный человек, — мысленно возразила я, — но кое-что во мне действительно есть. И я точно не хочу, чтобы он узнал о моих глазах — о том, что они меняют цвет, когда я волнуюсь.

— Моё происхождение вас не касается, — твёрдо сказала я, глядя ему прямо в глаза. — Вы должны помочь нам с гибридом — и всё. Кто я и зачем нам это нужно — вас не касается. Отпустите меня, или я закричу, и Эйдан вернётся сюда.

Торн ухмыльнулся, но после упоминания друга наконец разжал хватку и сделал шаг назад.

— Прости, — произнёс он, хотя в голосе не было ни капли раскаяния. — Иногда инстинкты хищника берут верх, особенно когда встречаешь что-то необыкновенное. И давай на ты.

Я поправила платье, стараясь унять дрожь в пальцах, и ответила:

— Уникальное? Ты нюхал меня так, будто я какой-то экспонат.

Торн пожал плечами:

— Да, в каком-то смысле так и есть. Для меня ты стала... необычным открытием. Но не волнуйся — я не причиню тебе вреда. По крайней мере, пока ты под защитой Эйдана.

Я не ответила, лишь бросила на него колючий взгляд и направилась к двери. Возле неё стоял Эйдан — видимо, ждал всё это время. Когда я вышла, он внимательно посмотрел на меня и спросил:

— Что он сказал?

— Да так, всего лишь... нюхал меня, как какой-то псих,
— буркнула я, пытаюсь скрыть, насколько меня это злит.

Эйдан неожиданно рассмеялся:

— Он же лис, поэтому нюхает всех. Это у них в природе.

Я закатила глаза, но невольно улыбнулась — его лёгкость немного сняла напряжение.

Мы направились в гостиную, где скоро должны были собраться все гибриды из клана Грозоловов.

Когда мы вошли в гостиную, я невольно замерла на пороге. Помещение оказалось огромным: высокие потолки с лепниной, массивные люстры из хрусталя, тяжёлые бархатные шторы насыщенного бордового цвета. В центре комнаты располагался длинный стол из тёмного дерева, окружённый резными стульями. У окон стояли мягкие диваны и кресла, а вдоль одной из стен тянулась книжная полка, заполненная старинными фолиантами.

ВОЛК

Закончив дела, я возвращаюсь домой — вернее, в дом того, кто приютил меня, кто дал мне работу. Меня чертовски бесит этот факт: я вынужден слушаться его, бросать свои дела по первому зову, выполнять любые поручения. В груди клокочет глухая злость, но я давно научился прятать её за маской безразличия.

Подойдя к зданию, сразу замечаю неладное. Двое охранников у входа непривычно хмуры, переглядываются, нервно сжимают кулаки. Они всегда так реагируют, когда появляется кто-то посторонний. Их напряжённые позы и быстрые взгляды говорят яснее слов: сегодня здесь был гость — и не простой.

Ничего не сказав им, открываю дверь и вхожу внутрь. Запах, ударивший в нос, заставляет остановиться и глубоко вдохнуть. Этот аромат я не спутаю ни с чем. Её след, тонкий и одновременно пронзительный, витает в воздухе. Как она здесь оказалась? И что ей нужно?

Выпив её кровь тогда, я сразу понял: она не человек. Но кто она — загадка. Я отчётливо помню тот вечер: её взгляд, едва уловимый трепет воздуха вокруг неё, странный привкус на языке после глотка. Тогда я решил: больше никаких встреч, даже если сердце порой шепчет обратное.

Следуя за запахом, направляюсь вглубь дома — он ведёт в гостиную. У самой двери встречаю своего хозяина, Торна. Он оглядывает меня с головы до ног, задерживает взгляд на маске, скрывающей половину лица, и коротко бросает:

— Сними плащ и маску, а затем заходи в эту комнату.

— Зачем? — спрашиваю я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Спутнице Эйдана нужны все гибриды из нашего клана, — отвечает Торн. — Для чего — я не знаю. Поэтому ты тоже должен быть там.

— Почему ты помогаешь им? — не сдаюсь я.

Я-то знаю она и её друг Эйдан ищут гибрида. Она сама обращалась ко мне за помощью, но я отказался. В тот вечер я пришёл к ней не ради помощи — я хотел узнать кое-что. Узнал. И решил, что это последняя наша встреча. Но послушаться босса я не могу, как бы ни хотелось. Значит, придётся войти в гостиную — и держаться от неё как можно дальше, чтобы её маленький секрет про глаза, меняющие цвет, не раскрылся.

Торн пожимает плечами:

— Во-первых, Эйдан — мой друг, он много раз помогал клану. Во-вторых, эта девушка необычная. Рядом с ней инстинкты хищника берут верх над разумом.

Его слова быют точно в цель. Я знаю, о чём он говорит. То же самое случилось со мной в её доме. Тогда мои скрытые клыки непроизвольно вылезли наружу, выдавая мою сущность. Я едва успел взять себя в руки, прежде чем сотворить какую-нибудь глупость.

— Заходи, — повторяет Торн твёрдо.

Я киваю. Он первым входит в гостиную, а я, помедлив,

снимаю плащ и маску. Лицо сразу становится уязвимее.

В комнате уже собрались все гибриды клана. Она сидит на диване рядом с Эйданом, небрежно перекинув ногу на ногу. При виде Торна она встаёт, и Эйдан тут же следует её примеру.

Когда наши взгляды встречаются. Она улыбается — едва заметно, но достаточно, чтобы это резануло по нервам.

Она делает глубокий вдох, выпрямляется и говорит:

— Спасибо, что пришли. Мне нужна помощь только одного из вас. Поэтому ответьте, пожалуйста, на один вопрос: кто из вас может отвезти меня к Вейлдриссе?

В комнате повисает короткая пауза, а затем раздаётся взрыв хохота. Гибриды переглядываются, хлопают друг друга по плечам, кто-то сгибается пополам от смеха. Обычные животные не могут добраться до богини — это знают все. А если бы могли, шли бы к ней, наверное, каждый день, чтобы что-то просить.

— Почему вы смеётесь? — растерянно спрашивает она, оглядывая собравшихся. Её брови сходятся на переносице, в голосе звучит искреннее недоумение.

Торн делает шаг вперёд, слегка склоняет голову и отвечает:

— Я думал, у тебя что-то важное. Но ты правда думаешь, что в этом мире есть хоть кто-нибудь, кто хотя бы раз видел богиню?

Смех стихает, но в воздухе остаётся напряжение. Я заме-

чаю, как Эйдан незаметно кладёт руку на её плечо — будто хочет поддержать. Она выпрямляет спину, поднимает подбородок и произносит:

— Видел или нет — неважно. Мне нужно попасть к ней. И я уверена: среди вас есть тот, кто знает путь.

Все снова переглядываются. Кто-то качает головой, кто-то хмыкает, но в глазах некоторых мелькает что-то новое — не насмешка, а интерес.

Я отступаю в сторону, стараясь остаться в тени. Почему она так уверена в том, что кто-то из нас может помочь ей добраться до богини?

Торн поворачивается к нам и говорит:

— Ладно, можете идти по своим делам.

Она резко вскидывает руку:

— Нет, стойте! Я знаю, что кто-то из вас знает, как добраться до Вейлдриссы.

Гибриды качают головами и начинают расходиться — кто-то хмыкает, кто-то бросает насмешливые взгляды в её сторону. Но я остаюсь на месте, не сводя с неё глаз. Моё дыхание учащается, в груди нарастает жар — я не могу отвести взгляд от её силуэта, от лёгкого серого свечения её глаз, от того, как падает прядь волос на плечо.

Торн подходит к ней, что-то шепчет ей на ухо и, улыбнувшись, тоже уходит. В комнате остаёмся только мы трое.

Эйдан смотрит на меня и твёрдо произносит:

— Уходи.

Я не отвечаю, но делаю шаг вперёд, приближаясь к Искорке. Каждый шаг отдаётся в висках глухим стуком.

Заметив это, она поворачивается к Эйдану:

— Можешь, пожалуйста, выйти на минутку? Может, он что-то знает. Мне нужно с ним поговорить.

Эйдан качает головой:

— Нет. Говори что хочешь при мне. Я и так всё знаю, тебе...

— Выйди, пожалуйста.

Эйдан фыркает, бросает на меня колючий взгляд и выходит, громко захлопнув за собой дверь.

Я остаюсь с ней наедине. Воздух между нами будто сгущается, становится тяжёлым, пропитанным её запахом — сладким, манящим, сводящим с ума. Я медленно подхожу ближе, возвышаясь над ней. Моё дыхание неровное, глаза жадно скользят по её лицу, шее, рукам.

— Ты знаешь как добраться до богини? — спрашивает она.

Я киваю, не в силах оторвать от неё взгляда.

— Ты поведёшь меня к ней? — тихо спрашивает она.

Я делаю ещё шаг вперёд — теперь между нами всего пара ладоней. Её запах становится ещё сильнее, обволакивает, словно туман. Сладкие ноты переплетаются с чем-то едва уловимым, древним, будто пробуждающим забытые воспоминания. Я с трудом заставляю себя сосредоточиться, отгоняю наваждение и наконец отвечаю:

— Да, — выдавливаю я. — Но для начала давай познакомимся поближе. Я не отведу к ней человека, которого совсем не знаю.

Она чуть склоняет голову, на мгновение опускает взгляд, а затем поднимает его и смотрит мне прямо в глаза. В её взгляде — смесь решимости и какой-то затаённой боли, чего-то ещё, чего я не могу разобрать. Она глубоко вздыхает, словно готовится сделать шаг в пропасть, и тихо отвечает:

— Хорошо. Я — Илмерия Лансье. О родителях ничего не знаю. Недавно я потеряла бабушку... Она была единственным человеком, кто заботился обо мне столько лет. У меня есть только один близкий человек — мой друг, тот парень, которого я попросила выйти. Он всегда был рядом, даже когда всё шло не так...

Она замолкает на мгновение, сглатывает, будто пытаюсь удержать подступившие слёзы, но тут же берёт себя в руки. Её голос звучит твёрже:

— Я должна добраться до богини. Это мой единственный шанс узнать правду — о себе, о своей семье, о том, почему всё так сложилось. Ты поможешь мне?

Я медленно киваю, не сводя с неё взгляда. В её глазах — смесь надежды и неуверенности, а пальцы слегка подрагивают, будто она сама не до конца верит в то, что сейчас скажет.

— А ты случайно не знаешь... одного существа? — начинает она, запинаясь и торопливо добавляет: — Ну, такого... и мага, и вампира одновременно, и ещё что-то вроде волка

или лиса?

Мне требуется всё моё самообладание, чтобы не ухмыльнуться во весь рот и не выдать себя с головой. Внутри всё трепещет от странного возбуждения — так охотник чувствует, что добыча сама идёт в ловушку.

Значит, Искорка всё-таки ищет меня. Но даже не знает, как правильно меня назвать — смешивает в одну причудливую мозаику все мои ипостаси. Получается, я засел в её маленькой, упрямой головушке так же прочно, как она — в моей.

Я почти уверен: она ищет меня, чтобы я помог с гибридом. Но разве она не разговаривает сейчас с тем, кого так упорно искала? Выходит, у неё есть и другая причина — пока неведомая мне. Что-то, что заставляет её идти вперёд, несмотря на все опасности. И от этой мысли любопытство разгорается во мне с новой силой.

— Это ещё кто — и маг, и вампир, и волк или лиса одновременно? — переспрашиваю я, изо всех сил стараясь сохранить невозмутимый вид.

Она перекачивается с ноги на ногу, нервно теребит край рукава, потом поднимает на меня взгляд — смущённый и одновременно упрямый.

— Ну... — тянет она, подбирая слова. — Ты же знаешь про кофе три в одном? Вот он такой же. В нём есть сила мага — крепкая, бодрящая. Он пьёт кровь, как вампир. Есть клыки. А ещё в его взгляде... и в его аромате, — быстро по-

правляется она, — чувствуется что-то звериное. Словно в глубине тёмной чашки притаился дикий зверь.

Чёрт побери. Она сравнивает меня с кофе. Значит, тот незнакомец ей понравился — так же, как она ему. Воспоминание вспыхивает перед глазами: я видел её дважды. Первый раз — когда она медленно пила кофе у окна, задумчиво глядя вдаль, а после мы случайно встретились в туалете. Второй — когда она наслаждалась горячим напитком с маффином, и в её искрящихся глазах плясали солнечные блики.

— Почему ты его ищешь? — спрашиваю я прямо, пристально вглядываясь в её лицо.

Она замолкает на несколько долгих мгновений, переводит взгляд с меня на пол и обратно — раз, другой, третий. Видно, как внутри неё идёт борьба: сказать правду или уклониться от ответа. Наконец, слегка покраснев, она произносит:

— Просто он... интересный, — её голос звучит тихо, почти шёпотом. — И ещё... ну, не знаю. — Она резко встряхивает головой, словно отгоняя лишние мысли. — Короче, давай лучше поговорим о богине. Давай завтра встретимся где-нибудь, и ты отведёшь меня к ней.

Я был готов её отвести — но это не так просто, как кажется на первый взгляд.

Чтобы добраться до богини, существует лишь два пути: Вызвать небесную лестницу — древнее заклинание, известное лишь единицам. Оно создаёт сверкающую лестницу из лунного света, ведущую к небесным вратам. Но для этого

нужны силы.

Найти волшебный цветок желаний — легендарный артефакт, исполняющий любое желание того, кто его сорвёт. Он расцветает лишь раз в двести тысяч лет, даруя своему обладателю безграничную власть.

Но в нашем случае работает только первый вариант. Волшебные цветы уже много веков никто не видел — старые мудрецы шепчутся, что они больше не растут вовсе. Никто не знает, когда было последнее цветение, и ждать его бессмысленно. Особенно учитывая, что Искорка — обычный человек. Ну, почти обычный: её искрящиеся глаза выдают в ней нечто особенное. Но эти искры не даруют ни бессмертия, ни дополнительных жизней — лишь намекают на скрытый потенциал, который ещё предстоит раскрыть.

Я не собираюсь вытягивать из неё всю информацию о её жизни — да и она, похоже, сама почти ничего не знает. В воздухе ещё витает слабый аромат её слов, будто эхо прерванной фразы.

— Я гибрид лисы... — начинаю я.

— Мне неинтересно, кто ты, — перебивает она, стараясь, чтобы в голосе не прозвучало ни капли любопытства. — Мы всё равно разойдёмся после того, как я встречу с богиней. Так ты поможешь?

Раз она не хочет узнавать, кто я, — ничего страшного. Так даже интереснее. Расскажу ей, когда она сама попросит. И, скорее всего, она попросит об этом не гибрида, который ей

поможет, а волка — того, чьё имя она пока не знает.

— Помогу, — твёрдо произношу я. — Только у меня есть условия.

Она хмурится — её брови сходятся на переносице, а губы сжимаются в тонкую линию. Видно, что ей не нравится, когда кто-то ставит условия: она привыкла добиваться своего без лишних преград. Но в её глазах мелькает понимание: выбора у неё нет.

— Твой дружок не увяжется за нами, — продолжаю я, выдерживая её взгляд. — Ты будешь слушаться меня — безоговорочно. И, конечно же, платить мне. Не заплатишь — не отведу.

Она молчит несколько долгих секунд, будто взвешивает каждое слово. Её пальцы непроизвольно сжимаются в кулаки, затем разжимаются. Наконец она кивает — коротко и резко:

— Эйдан и так останется здесь с Торном. Слушаться тебя я буду. И у меня достаточно кристаллов, чтобы платить тебе.

На моём лице появляется лукавая улыбка. Она будет платить мне далеко не кристаллами, а кое-чем другим — тем, чего я желаю с тех пор, как попробовал её кровь. Этот вкус до сих пор живёт на моих губах, будит во мне что-то древнее, почти забытое.

— Хорошо, тогда дай мне свой адрес. Я приду к тебе завтра, и мы начнём.

— Начнём что? — её голос звучит настороженно, в нём

слышится недоверие.

— Готовиться ко встрече с богиней, — отвечаю я спокойно, но в глубине души чувствую азарт.

Она открывает рот, чтобы что-то сказать, но я резко иду в сторону двери, не дожидаясь её ответа. Мне очень нравится разговаривать с Искоркой, но даже если так, у меня есть дела, которые я должен сделать. И жаль, что кроме меня никто этим не займётся.

— Стой! — раздаётся за спиной её голос, звонкий и настойчивый. — Как готовиться? Зачем готовиться? Как ты придёшь ко мне завтра, если я ещё не дала тебе адрес? Почему мы не можем начать сегодня готовиться?

Я оборачиваюсь, и наши взгляды снова встречаются. В её глазах — смесь растерянности и упрямой решимости. Она словно пытается разгадать меня, понять, что скрывается за этой улыбкой и холодными словами.

— Слишком много вопросов, — проговариваю я медленно, чеканя каждое слово. — Я отвечаю только на один.

Она замолкает, отводит взгляд. Вижу, как напряжены её плечи, как она мысленно перебирает вопросы, выбирая самый важный. Проходит примерно минута. Тишина становится почти осязаемой — я слышу, как бьётся её сердце, как неровно дышит она. Мне надоедает стоять и ждать, пока она что-нибудь скажет. Поэтому я снова разворачиваюсь и иду к двери.

Когда я уже хватаюсь за ручку, чтобы её открыть, слышу

за спиной:

— Мы можем начать готовиться сегодня?

Я снова оборачиваюсь. Она стоит прямо, расправив плечи, но в её позе читается какая-то уязвимость — будто она только что сделала шаг навстречу чему-то неизведанному.

— У меня есть дела, — коротко отвечаю я.

— Поняла, — она делает шаг ко мне, и в её движениях появляется неожиданная лёгкость. — И ещё... — она подходит совсем близко, так, что я чувствую тепло её тела. — В лесу стоит единственный дом. Больше домов в лесу нет, и тот дом — мой.

Она нежно, но твёрдо ударяет кулаком мне в грудь — не больно, а скорее по-дружески, с вызовом.

— Пока, дружище, — произносит она с лёгкой улыбкой, в которой смешались вызов и надежда.

Я киваю, открываю дверь и выхожу в коридор, оставляя за спиной аромат её духов и эхо нашего разговора.

Глава 4

ИСКОРКА

Я вышла из гостиной и направилась к Эйдану, который стоял, облокотившись на стену. Он поднял на меня глаза — в них читалась немая тревога, будто он уже знал, что разговор выйдет непростым.

Не знаю почему, но... я была расстроена, когда гибрид ничего не сказал о Волке. Я хотела увидеть его, хотя причин не было. Раньше я искала Волка, надеясь, что он поможет с поисками истины о моём прошлом. Но теперь он мне не нужен — и ничем не поможет, потому что я только что говорила с гибридом, и он пообещал провести меня к богине.

Мне не особо верилось, что он и вправду видел богиню. Может, он врёт? Но если врёт, то делает это слишком уверенно — без тени сомнения, с холодной расчётливостью. И мне не терпелось узнать, как же завтра мы будем готовиться ко встрече — и нужно ли это вообще? Что за подготовка может понадобиться для такого пути?

— Поговорила? — спросил Эйдан, внимательно вглядываясь в моё лицо.

— Да, — ответила я, стараясь говорить ровно. — Оказывается, нужна какая-то подготовка перед встречей, поэтому начнём завтра.

Эйдан обнял меня, и на мгновение мир стал чуть спокой-

нее. Его тепло, его надёжность всегда действовали на меня успокаивающе.

— Я должен остаться и помочь Торну кое-что сделать, поэтому не смогу быть рядом, — он вздохнул. — Но как только закончу дела, я обязательно вернусь.

Я кивнула. То, что у него были дела, было к лучшему — в условиях гибрида чётко значилось, что Эйдан не должен идти с нами. И, конечно же, я должна следовать им. Я несколько раз погладила рукой по его спине, запоминая это ощущение близости, прежде чем он отстранился.

— Ладно, иди домой, — сказал он мягко.

Я кивнула и, направившись к двери, вышла на улицу.

Вечер окутал лес сумрачной вуалью. Воздух был прохладным, пах хвоей, влажной землёй и далёким дымом чьего-то очага. Я шла по узкой тропе, слушая, как шуршат под ногами опавшие листья, и думала о своей жизни.

Раньше бабушка кормила меня и не разрешала выходить — я сидела дома, не работала, жила в её тени, в её заботе. Она оберегала меня, словно хрупкий цветок, боялась, что мир меня сломает. Но теперь её нет, и мне нужно найти работу, чтобы выжить.

Но в этом и заключалась сложность. Как мне её найти — особенно здесь, где почти нет людей? Здесь жили животные, а не люди — пусть даже они принимали человеческий облик, скрывая свои настоящие формы. Высокие лисы с острыми ушами, волки, чьи глаза иногда вспыхивали диким огнём...

Я всё равно боялась их. Боялась их взглядов, их шёпотов за спиной, их силы, которой у меня не было.

И если подумать — кто возьмёт меня на работу, если я толком ничего не умею? Только готовить. Хорошо хоть готовить умею — иначе точно умерла бы вслед за бабушкой, так и не узнав, кто я на самом деле, откуда я, кем были мои родители.

Я остановилась, подняла взгляд к небу, где уже проступали первые звёзды.

Мне всё равно нечего делать. Поэтому я возьму всё своё терпение в кулак и дойду до конца. Узнаю, кто я.

Потому что то, что я сидела дома, не означает, что я ничего не делала. Если я чем-то интересовалась, бабушка учила меня.

Однажды мне стало интересно вязание. Я хотела связать много игрушек, а потом продавать их за кристаллы. Но после того как связала кролика — мой интерес погас.

Потом я захотела шить платье, чтобы бабушке больше не приходилось покупать, а я сама его сшила. Конечно, для этого нужно было купить ткань... Но, не закончив даже одно платье, я бросила его на полпути — интерес угас.

Дальше я хотела сама делать украшения, попробовала написать книгу — но всё забросила, потому что стало неинтересно.

Это было плохо. Я понимала это. Ты не сможешь ничего добиться, если будешь начинать и бросать. Нужно схватить-

ся за что-то одно и продолжать — тогда всё, что ты делаешь, получится.

Но вот в том и заключалась проблема: я не знала, за что единственное можно ухватиться. Потому что интересно всё и сразу.

Надеюсь, поиски того, кто я, я не заброшу.

Глубоко вдохнув прохладный вечерний воздух, я направилась к дому — к своему единственному убежищу в этом большом, пугающем мире.

Я проснулась от резкого звука — такое чувство, будто кто-то кинул камень в окно. Вздрогнула, резко села на кровати, прислушиваясь. Тишина. Только сердце гулко билось в груди.

Я встала и подошла к окну, осторожно отодвинула занавеску. Там никого не было. Яркие лучи ийр⁴ только начали появляться, разливая по небу золотисто-розовый свет. Перед домом стояло много деревьев — может, это просто ветка сломалась и, ударившись об окно, упала?

Заправив кровать, я умылась и спустилась вниз. В доме, конечно, почти ничего не было, но я всё равно открыла холодильник — просто чтобы достать воды. Когда дверца распахнулась, мой взгляд упал на клубнику, которую вчера купил Эйдан. Помыв несколько ягод, я отправила их в рот — сладкий сок разлился по языку, ненадолго прогоняя тревож-

⁴ Ийр – «солнце»

ные мысли.

Я вздрогнула, когда услышала стук в дверь. Возможно, пришёл гибрид — уже пора собираться в путь? Или это Эйдан решил заглянуть напоследок.

Я поспешила к двери, распахнула её — но на пороге никого не оказалось. Вышла на крыльцо, огляделась: ни души, только утренний туман стелился между деревьями, а первые лучи солнца пробивались сквозь ветви.

Вернувшись в дом и закрыв дверь, я уже собралась идти на кухню, как вдруг снова послышался шум — на этот раз наверху.

— Да что происходит? — пробормотала я вслух.

Может, в этом доме есть призраки? Бабушка никогда не рассказывала о чём-то подобном, но кто знает, может, они успели здесь поселиться за всё то время, пока дом стоял пустой?

Перед тем как подняться наверх, я сунула в рот ещё одну клубнику — просто чтобы немного успокоиться — и медленно двинулась к лестнице. Ступени тихо поскрипывали под ногами.

Наверху я внимательно оглядела весь этаж: ни следов вторжения, ни опрокинутых вещей, ни открытых окон. Никого не было — и ничто, казалось, не могло упасть, чтобы издать такой звук.

Я уже спускалась вниз, когда снова услышала скрип пола. Вспомнила: только вчера я обнаружила, что на втором этаже,

перед входом в общую комнату, половица издаёт этот противный звук.

Резко развернувшись, я почти бегом бросилась обратно вверх и ворвалась в комнату. Никого. Ни шороха, ни тени — абсолютная тишина.

Это могло бы показаться страшным, если бы происходило вечером или ночью. Но сейчас, при ярком утреннем свете, всё это просто раздражало.

— Эйдан! — громко крикнула я, не сдерживая раздражения. — Клянусь, если ты играешься, я убью тебя, когда найду!

Эхо моего голоса разнеслось по дому, отразилось от стен и затихло. Я вздохнула, провела рукой по волосам и спустилась обратно вниз. Засунув в рот ещё одну клубнику — хорошо, что её здесь было достаточно, чтобы не умереть от голода, — я присела на стул и подняла стакан с водой ко рту.

Сделала глоток — и вдруг подавилась, начала кашлять, когда почувствовала, что кто-то схватил меня за грудь. Я резко отпустила стакан — он со стуком опустился на стол, — и, продолжая кашлять, попыталась сбросить чужую руку. К счастью, я успокоилась, когда поняла, что это были женские руки.

Не прекращая кашлять, я повернулась назад, чтобы увидеть, кто это, — но никого не было. Это не могло мне показаться. Я отчётливо почувствовала прикосновение: тёплые пальцы на моей груди, лёгкое давление. Оно было реальным,

осязаемым — но позади меня стояла лишь пустота.

Наконец, остановив кашель, я замерла на мгновение, прислушиваясь к дыханию дома: к скрипу старых досок, к шелесту ветра за окном. Затем вскочила на ноги и начала бегать по комнатам, заглядывать в углы, проверять шкафы — кто-то здесь точно был. Кто-то, кого я не могла увидеть.

Вернувшись к столу, я опустилась на стул. Взгляд упал на стакан с водой, который я так и не допила. Рядом лежала клубника — одна ягода скатилась на край стола и чуть не упала. Я машинально подобрала её, но есть уже не хотелось. Аппетит пропал без следа, будто его и не было.

Послышался снова скрип пола — короткий, резкий звук, будто кто-то сделал шаг и замер. Я резко подняла голову, вглядываясь в полумрак коридора.

«Боже мой, кто бы это ни был, он или она меня уже раздражает, — пронеслось в голове. — Скорее всего, она... Ведь руки были женские».

Нахмурившись от раздражения, я встала и не спеша пошлёпала вверх, ступеньки тихо поскрипывали под ногами. И, как и ожидалось, наверху снова никого не оказалось. Ни шороха, ни тени — только утренний свет пробивался сквозь пыльное окно, рисуя на полу золотистые квадраты.

Может, всё-таки существуют призраки, поселившиеся здесь?

Внезапно сзади я почувствовала, как кто-то тянет за мои волосы — резко, больно, будто пытаюсь остановить. Застонав

от неожиданности, я резко обернулась, но позади никого не было. Только пустота и тишина, нарушаемая стуком моего сердца.

— Да вы издеваетесь?! — воскликнула я в пустоту. — Я что, сошла с ума, и это всё мне кажется?!

Ладони вспотели, по спине пробежал холодок. Я глубоко вдохнула, пытаясь успокоиться.

Ладно. Тогда надо выйти на улицу, прогуляться. Тем более я уверена, что гибрид рано утром не придёт, поэтому у меня есть целое утро, чтобы рассмотреть окрестности, а не сидеть тут и сходить с ума.

Я зашла в комнату, чтобы переодеться. Благо в шкафу лежала чья-то одежда — и, судя по состоянию, она не была старой или грязной. Я схватила обтягивающие джинсы и не менее обтягивающую футболку, бросила их на кровать.

Разворачиваясь от шкафа, я вдруг почувствовала чьё-то горячее дыхание на своём затылке — такое явное, что волосы на шее встали дыбом. Я резко обернулась к шкафу...

С потолка свисала лиса. Настоящая лиса. Рыжая, с пушистым хвостом и пронзительными янтарными глазами. Я стояла всего в миллиметре от её морды — настолько близко, что могла разглядеть каждую ворсинку меха. От неожиданности я резко отпрянула назад, ударившись бедром о край кровати — Ты... кто ты? — выдохнула я, с трудом находя слова.

Лиса плавно опустилась на пол — непонятно, как она вообще держалась на потолке, если там даже не было за что

уцепиться. Она немного потопталась на месте, встряхнула хвостом, и вдруг её тело начало меняться.

Шерсть втягивалась внутрь, хвост и уши исчезали, конечности вытягивались, принимая человеческую форму. Кожа приобрела ровный бежевый оттенок, черты лица прояснились. Через мгновение передо мной стояла девушка — стройная, с короткими рыжими волосами и такими же янтарными глазами, как у лисы. Это была Лира.

Она улыбнулась, слегка склонив голову набок:

— Ну что, испугалась? — её голос звучал легко, почти игриво.

Я всё ещё пыталась прийти в себя, сердце колотилось где-то в горле.

— Что... что это было? Как ты... — я запнулась, пытаюсь подобрать слова.

Лира вздохнула и поправила прядь волос.

— Это секрет. Просто иногда я люблю немного пошалить. И да, не спрашивай, как я узнала твой адрес, потому что это тоже маленький секретик, — она подмигнула.

Я кивнула. Даже если мне очень хотелось узнать, как у неё это всё получается, я не стану её доставать — если она не хочет рассказывать, так тому и быть. Тем более мы только вчера встретились, и я пока не могла понять, могу ли считать нас друзьями. По крайней мере, меня успокоил тот факт, что руки, схватившие меня за грудь, были её. И не меньше меня успокоило, что она не забыла обо мне.

— Зейн пришёл? — спросила я, догадываясь о причине её визита.

Лира покачала головой, потом села на кровать и, улегшись, протянула:

— Какая мягкая кровать...

Я мысленно не согласилась: эта кровать была намного жёстче той, что стояла в прошлом доме. Но и не настолько жёсткой, чтобы жаловаться вслух. Возможно, если в другой комнате найдётся что-то помягче, я потом переберусь туда.

— Мне нужно переодеться, я пойду в ванную, а ты... можешь пока полежать здесь, хорошо?

Лира кивнула, и я направилась в ванную. Закрыв дверь, я начала переодеваться.

Если Лира пришла не потому, что приехал Зейн, тогда почему? — размышляла я. — Была ли на это какая-то причина? Или ей просто стало скучно, она вспомнила про меня и решила напугать? Правда, напугать не получилось — скорее, это меня только раздражило.

Переодевшись, я вышла обратно. Лира поднялась с кровати, села и пристально посмотрела на меня.

— Слышала, помощник главы клана призвал всех гибридов, — сказала она. — Дай угадаю: ты замешана в этом?

— Да, — ответила я. — Он оказался другом моего друга, поэтому согласился помочь — при условии, что мой друг останется потом с ним.

— Ну что, нашла гибрида? — Лира наклонила голову,

ожидая ответа.

Я на мгновение замялась, взвешивая, стоит ли делиться подробностями. Но Лира выглядела искренне заинтересованной, а скрывать от неё вдруг показалось глупым.

— Нашла, — призналась я. — Он согласился провести меня к богине. Но поставил условия.

— Какие? — Лира подалась вперёд, внимательно слушая.

— Я должна идти одна, слушаться его и заплатить, — я невольно сжала кулаки, вспоминая тот странный блеск в глазах гибрида, когда он говорил о плате.

— У тебя есть кристаллы? — спросила Лира.

Их было много, но они были не у меня, а на счету бабушки. А если не хватит — я продам один из четырёх домов, оставленных родителями.

— Да, — коротко ответила я.

Лицо Леры мгновенно стало серьёзным. Она поднялась с кровати и подошла ближе.

— Если он попросит твою кровь вместо кристаллов — не соглашайся, — твёрдо сказала она.

Интересно... Такая мысль не приходила в мою голову. Но если выбирать между тем, чтобы потратить кристаллы или пожертвовать кровью, скорее всего, я выберу второе.

— Почему? — спросила я недоумённо.

— Если гибрид выпьет кровь, у него... — она запнулась, подбирая слова, — ну, короче, просто откажись. Потому что своей кровью ты даёшь ему... эм... как бы это объяснить...

Ли́ра замолчала, будто подбирая нужные слова. Я терпеливо ждала, чувствуя, как внутри нарастает тревога.

— Видишь ли, — продолжила она наконец, — когда гибрид пьёт кровь не-гибрида, он получает частицу его силы, его сущности. Если его родители — разные виды, скажем, отец — лиса, а мать — кошка, то прирост силы будет умеренным. Но если оба родителя — хищники... хотя такое сейчас почти невозможно... тогда он станет невероятно могущественным.

Холод пробежал по спине. Я вдруг осознала, насколько неосторожна была. В голове сразу возник образ волка, пьющего мою кровь. Но... он же вроде не гибрид? Хотя какая разница? Даже если он обретёт большую силу — что это значит для меня? Ну, если, конечно, он потом не убьёт меня...

— Ах да, и ещё, — добавила Ли́ра, понизив голос. — Гибрид, получивший вкус крови, не остановится на одном глотке. Он будет пить, пока жертва не иссякнет полностью. Пока в ней не останется ни капли жизни.

По коже пробежали мурашки. Я застыла на месте, осознавая всю глубину своей неосторожности. Сама шла напрямиком к смерти, даже не подозревая об этом.

Прошёл почти целый день. Ли́ра увидела, что у меня нет ничего, чем я могла бы набить свой желудок, и нет другой одежды. Она тут же взялась всё исправить — купила самое необходимое, потратив мои кристаллы. В пакете оказались

носки, пара удобных рубашек, чёрные брюки, шорты и даже небольшой запас провизии: сушёные яблоки, орехи и вяленое мясо.

Я была искренне рада, что она не забыла про меня. Её забота тронула меня до глубины души — так по-доброму со мной давно никто не обращался. Постепенно я начала верить, что мы и правда можем стать настоящими подругами.

Лира ещё немного посидела со мной. Мы попили травяного чая, который она сама заварила, — он пах мятой и какими-то лесными травами. Она рассказывала забавные истории из своей жизни, а я слушала и впервые за долгое время по-настоящему улыбалась.

Но потом она взглянула в окно, заметила, как солнце опускается к горизонту, и сказала, что ей пора уходить. Я кивнула, стараясь не показывать, как мне не хочется оставаться одной в этом старом доме.

Она ушла, а гибрид так и не появился в тот день.

Что мне делать? Может, стоит поехать туда, где живёт Торн? Дорогу я хорошо запомнила. Но впустят ли меня те здоровяки внутрь? Возможно... Ведь там может быть Эйдан.

Я подошла к окну. Сумерки окутывали лес, деревья превращались в тёмные силуэты, между ними клубился туман.

Нет. Я всё-таки останусь дома и не стану выходить одной, особенно в позднее время. Слишком страшно. Лучше подожду до утра. Вдруг гибрид просто задержался? Или что-то пошло не так?

Собравшись с духом, я подошла к пакету с новыми вещами. Достала сорочку, которую купила Лира, — мягкую, светло-голубую, с тонкой вышивкой по вороту. Раньше я никогда не носила таких — привыкла спать в чём придётся, а последние два дня так и вовсе засыпала прямо в уличной одежде. Но сейчас решила: лучше переодеться.

Сорочка приятно холодила кожу, ткань была такой нежной, что хотелось зарыться в неё с головой. Я устроилась на кровати, подтянула одеяло до подбородка и посмотрела на лампу, которую оставила гореть. Её тёплый свет разгонял тени по углам, создавая ощущение уюта и безопасности.

За окном шумел лес, ветер покачивал ветви деревьев. Где-то далеко-далеко слышались странные звуки — то ли крики ночных птиц, то ли шёпот ветра. Но здесь, в этой комнате, было тихо и спокойно.

Завтра будет новый день. И тогда я решу, что делать дальше. А пока... пока можно просто отдохнуть.

Глаза начали слипаться. Я потушила лампу, укуталась в одеяло и наконец позволила себе расслабиться. Впервые за много дней я засыпала с лёгкой улыбкой на губах.

Постучали в дверь. Я открыла — это была Лира.
— Зейн приехал. Вас познакомить? — её глаза блестели от возбуждения, хвост нервно подрагивал за спиной.

— Да, — без колебаний ответила я. Того гибрида я так и не дождалась: своим отсутствием вчера и даже сегодня он

дал понять, что обманул меня, и от него помощи ожидать не стоит. А Зейн — с утёса, значит, не из Грозоловов... Но вдруг он знает то, что мне нужно?

Мы вышли из дома. Около подъезда стоял оранжевый байк — мощный, с хромированными деталями, отполированными до зеркального блеска. Мы сели, я вцепилась в куртку Леры, и мотоцикл рванул с места. Ветер свистел в ушах, улицы мелькали размытыми полосами.

Остановившись у высокого дома с фасадом из тёмного камня, мы слезли с байка. Лира уверенно направилась к подъезду, я последовала за ней. В лифте, пока мы поднимались на девятый этаж, она нервно теребила кончик хвоста.

— Если что, я предупреждаю: он свирепый, недружелюбный, грубый и... — начала Лира перед тем, как открыть дверь квартиры.

— Я поняла, — перебила её я, стараясь унять дрожь в руках.

Лира открыла дверь и пропустила меня вперёд. Разувшись, я надела тапочки, которые она мне протянула, — мягкие, с вышитыми лисьими мордочками. Квартира оказалась просторной, оформленной в тёплых бежевых тонах: стены цвета песочного печенья, мебель из светлого дерева, на полу — пушистый ковёр оттенка топлёного молока.

В квартире было две комнаты, кухня и ванная. В гостиной — большой диван у окна, книжные полки до потолка и камин с мраморной отделкой. Из кухни доносился аромат ко-

рицы и ванили.

— Иди за мной, — произнесла Лира, схватив меня за руку и потянув за собой.

Мы прошли в одну из спален. Зайдя внутрь, я увидела парня, разлётшегося на кровати с руками под головой. Он лежал расслабленно, но в этой расслабленности чувствовалась скрытая сила.

Лира отпустила мою руку и подошла к его ноге. Схватив за кончик стопы, она начала трясти её вправо-влево:

— Не притворяйся, что спишь. Вставай.

Она подняла его ногу выше и схватила за лодыжку, продолжая дёргать её из стороны в сторону. Зейн, до этого казавшийся расслабленным, вдруг резко пододвинул ногу вперёд — так, что Лире потянуло за ней. А в следующее мгновение он с молниеносной скоростью выпрямил ногу обратно — от этого Лире швырнуло назад. Она бы точно упала, если бы я не отшатнулась в последний момент, поймав её за рукав.

Зейн встал — и я невольно задрала голову, чтобы посмотреть ему в лицо. Боже, каким высоким он был! Мне, девушке с высоким ростом, пришлось задира́ть подбородок почти до предела. До встречи с Зейном самым высоким из тех, кого я встречала, были Волк и тот гибрид — но Зейн определённо превосходил их обоих.

У него были голубые глаза — яркие, как зимнее небо, — и тёмные брови, подчёркивающие их цвет. Кожа бледная,

почти фарфоровая, а волосы — густые, тёмно-каштановые, слегка растрёпанные после сна. Он совсем не был похож на лиса, в отличие от Лиры: та — рыжеволосая, с почти розовым оттенком кожи, а он — брюнет с аристократической бледностью.

— Сколько раз тебе повторять?! Не трогай мою ногу! — выпалил он раздражённым, но таким низким и красивым голосом, что по телу побежали мурашки. Его взгляд, брошенный на Лиру, был неодобрительным и свирепым — я на секунду испугалась встретиться с ним глазами.

— Прости, — почти прошептала Лира, опустив уши.

Зейн перевёл взгляд на меня — и выражение его лица изменилось. В глазах появилось что-то вроде удивления, исчезла та свирепость, с которой он смотрел на Лиру. Его веки приподнялись, брови слегка изогнулись.

— Знакомься, это моя подруга Рия, — проговорила Лира, показывая на меня.

— Привет, — немного помедлив, сказала я, махая рукой.

Он не сводил с меня глаз, отчего мне стало неуютно. Лира несколько раз щёлкнула пальцами перед моим лицом — и тогда Зейн, несколько раз моргнув, улыбнулся и протянул руку:

— Приятно познакомиться. Я Зейн.

— Знаю, Лира уже сказала, — произнесла я и подала ему руку. Всё было как-то слишком... официально?

Лира указала на дверь, и мы вышли в кухню. Простор-

ное помещение с большим окном, деревянными шкафчиками тёплого медового оттенка и столешницей из белого мрамора. На подоконнике стояли горшки с пряными травами — розмарин, тимьян, мята.

— Рия, хочешь тыквенный коктейль? Он один из моих любимых, — сказала Лира, доставая три стакана, пока мы с Зейном устраивались на высоких стульях у барной стойки.

— Нет, спасибо, — ответила я, глядя на Лиру.

— Почему? Может, ты просто стесняешься? — она наклонила голову, её хвост вопросительно изогнулся.

Возможно, я немного чувствовала себя неловко рядом с Зейном — он оказался таким большим, высоким, каких я раньше не видела. Но дело было не в этом.

— Нет, я просто...

— Она не любит тыкву, — перебил меня Зейн. — Сделай ей кофе, Лир.

Я округлила глаза от шока. Откуда он знает, что мне не нравится тыква?

— Ой, да откуда ты знаешь? — удивилась Лира.

— Мне и вправду не нравится тыква, — подтвердила я.

Зейн слегка усмехнулся, скрестил руки на груди и откинулся на спинку стула. Его взгляд снова встретился с моим — теперь в нём читалось что-то вроде заинтересованности.

— Угадал по выражению лица Ти... то есть Рии, — пояснил он.

Лира, уже начавшая готовить кофе, фыркнула:

— Ну конечно. Просто ты всегда замечаешь всё, что не связано с тобой.

Зейн лишь пожал плечами, но его губы дрогнули в едва заметной улыбке. Я поймала себя на мысли, что этот человек — несмотря на всю свою грозность — начинает меня интриговать.

Лира с лёгким стуком поставила перед Зейном чашку ароматного кофе — пар поднимался тонкими завитушками, наполняя комнату тёплым ореховым запахом. Затем она так же аккуратно поставила чашку и передо мной. Я невольно сжала пальцы под столом: мне становилось всё не комфортнее от того, что Зейн не переставал разглядывать меня — его взгляд будто сканировал, проникал под кожу, выискивал что-то в глубине моих глаз.

— Ты чё так на неё пялишься? — буркнула Лира, резко ударив Зейна в плечо. Звук хлопка эхом отозвался в напряжённой тишине.

Он промолчал — ни намёка на реакцию, ни дрожи в лице. Я глубоко вздохнула, решив, что самое время начать говорить, пока нервы окончательно не сдали.

— Зейн, ты можешь, пожалуйста... — начала я осторожно, подбирая слова.

— Нет, — холодно перебил он, не отрывая от меня взгляда. Его голос прозвучал как лезвие — ровный, острый, без единой эмоции.

Лира уставилась на него, брови сошлись на переносице,

и она ещё раз с силой ударила его в плечо. Я решила не обращать на это внимания — Лира предупреждала, что он холонокровный и грубый, будто высеченный из камня.

— Можешь помочь мне... — попробовала я снова, стараюсь сохранить спокойствие.

— Нет, — снова перебил тот, даже не дав закончить фразу.

— Ты знаешь, как... — продолжала я, сжимая край стола.

— Нет.

— Дай мне договор...

— Нет, — опять перебил Зейн, его тон не менялся, словно он зачитывал заученный текст.

Лира ударила его по предплечью и сурово посмотрела на него, но почему-то он не сводил с меня глаз, не давая договорить. Моё терпение уже подходило к концу. Я знала, что это нужно мне, но если он ведёт себя так неадекватно, я не стану это терпеть.

— Послушай, мне нужно спросить у тебя одну единственную вещь, вот и всё, — я сделала паузу, ожидая его реакции. Через мгновение он едва заметно кивнул, и я продолжила: — Ты знаешь, как добраться до...

— Нет, — перебил он снова.

В этот раз эмоции захлестнули меня с головой. Кровь прилила к лицу, в висках застучало.

— Ты знаешь хоть какое-нибудь слово, кроме нет?! — взорвалась я. — Всё бурчишь и бурчишь: Нет, нет, нет! Не

дав мне договорить! Заткнись уже и не открывай свой рот, пока я не разрешу! Возможно, я и груба, но ты не лучше, понял?!

Глава 5

ИСКОРКА

Он смотрел на меня с тем же спокойным и холодным взглядом, который был раньше, — ни тени удивления, ни намёка на раздражение.

— Ого, — удивлённо открыла рот Лира, её глаза расширились. Я не хотела показывать эту сторону себя, но меня взбесило, что он всё время меня перебивает и не даёт договорить.

— Знаешь ли ты путь к... — снова начала я, пытаюсь взять себя в руки.

— Нет, — снова перебил он.

— Боги...

— Нет.

— ...не. К...

— Нет.

Я ударила руками по столу — чашки с кофе затряслись, несколько капель пролилось на деревянную поверхность, оставив тёмные пятна.

Чтоб его! Как же он меня бесит!

Я резко встала, подошла к нему, схватила одной рукой его лицо, а другой закрыла его рот, чувствуя под пальцами жёсткую линию челюсти.

— Путь к богине! Знаешь? — наконец смогла произнести

я без

перебиваний, глядя ему прямо в глаза.

Мои глаза встретились с глазами Лиры — она сидела с широко открытыми глазами, её губы слегка приоткрылись от шока. Я снова повернула голову к Зейну, и на сей раз во взгляде Зейна не было той холодности. Было такое чувство, что он был готов заплакать. Неужели я его напугала? Нет, конечно. Может, ему больно сделала? Моя хватка не была настолько сильной, чтобы причинить боль.

Внезапно я почувствовала кончик языка, который прошёлся по внутренней стороне моей ладони — той, которой я прижимала его рот. Я быстро отпрянула руку. Как ни странно, но я не брезговала — скорее, удивилась. Но всё же решила сделать вид, что мне было неприятно.

— Фу... Ты что сделал? — произнесла я, стараясь, чтобы это прозвучало как можно более омерзительно. Я вытерла свою руку о рубашку Зейна — он не двинулся, лишь следил за мной взглядом. Затем я присела обратно на своё место, чувствуя, как сердце всё ещё колотится. Лира перевела взгляд с меня на него, её лицо выражало смесь недоумения и любопытства.

— Ну так что, ты знаешь путь к богине? — спросила она, нарушая затянувшуюся паузу.

— К какой именно? — наконец отозвался Зейн, слегка наклонив голову.

«А есть много богинь?» — подумала я. Раньше меня это

никак не волновало. Мне было всё равно, сколько там богинь существует, потому что я никогда не молилась и ничего не просила ни у одной из них.

— К Вейлдриссе, — сказала я, делая глоток кофе — в горле уже пересохло, и тёплый напиток немного успокоил нервы.

Зейн несколько раз кивнул, его взгляд стал задумчивым, будто он перебирал в голове какие-то воспоминания или карты.

— Зачем она тебе? Если хочешь что-то попросить, можешь помолиться. Могу отвести тебя в храм, если пожелаешь, — предложил он ровным тоном.

Я рассказала о своей жизни — всё, что знала: о письме бабушки, о неясных намёках, о смутном предчувствии, что это важно. Зейн нахмурился, его брови сошлись на переносице.

— Поэтому твоя бабушка хочет, чтобы ты нашла путь к Вейле? — он сделал паузу, его голос стал тише. — Потому что она властительница прошлого и будущего.

Я не знала, какой богиней она являлась, потому что бабушка об этом не упоминала в письме.

— Ну да, — произнесла я, допивая свой кофе и чувствуя, как напряжение понемногу отпускает.

Зейн встал и подошёл ко мне, его движения были плавными, почти хищными. Он протянул руку. Я замерла, не понимая, что он хочет.

— Руку, — сказал он коротко, и я, поколебавшись, послу-

шалась.

Он нашупал мой пульс на запястье — его пальцы были прохладными, но твёрдыми. Он посмотрел на меня, всё ещё не отпуская мою руку. Лира сидела в стороне, не вмешиваясь в наш разговор, но её взгляд следил за каждым движением.

— Поедешь со мной на утёс, — произнёс он и отпустил мою руку. Его голос звучал не как предложение, а как утверждение.

— Что? Зачем? — я искренне не понимала, для чего это надо. Мозг говорил: Не доверяй, но что-то внутри, какое-то странное, почти первобытное чувство, тянулось к нему — к этому незнакомому человеку. Ой, то есть хищнику. После того как тот гибрид не приехал, я поняла, что слишком легко доверилась незнакомцам. Но, по крайней мере, он не обещал отвести меня в какую-то глушь, далеко от дома.

— Чтобы практиковать твою внутреннюю силу, — пояснил он, его глаза на мгновение сверкнули.

О какой силе может идти речь, если я обычный человек? Или, может, он имеет в виду физическую силу?

— Не хочешь — не надо, мне это не нужно, — бросил он и развернулся, направляясь в спальню.

— Ему можно доверять, — тихо сказала Лира и пошла мыть чашки, её голос прозвучал как попытка успокоить меня.

Я прошла в его спальню. Зейн сидел на кровати, его поза была расслабленной, но в глазах читалась какая-то скрытая

напряжённость. Я села рядом с ним, чувствуя, как матрас слегка прогибается под моим весом.

— Хорошо, я поеду с тобой на утёс, — сказала я, глядя ему в глаза.

Он повернулся ко мне и подошёл ближе. Я не стала отстраняться. Даже если в кухне он меня раздражал, почему-то мне понравилась его близость — то, как я чувствовала его обжигающее дыхание на своей коже, как воздух между нами стал гуще, насыщеннее.

— Через два дня буду ждать тебя здесь, — он убрал мои волосы за плечи, его пальцы скользнули по шее, вызывая волну мурашек. Он подошёл ещё ближе, его лицо оказалось в нескольких сантиметрах от моего.

Схватив мой подбородок, он повернул моё лицо вправо. Я чувствовала, как его нос скользит по моей щеке вниз, его дыхание обжигало кожу. По телу пробежала волна мурашек — странная смесь страха и чего-то ещё, чего я не могла назвать.

— Кто тебя укусил?! — произнёс он резко, отстранившись, но не отпуская мой подбородок. Его глаза сузились, в них вспыхнул холодный огонь.

Наверное, он заметил следы клыков Волка — бледные полумесяцы на коже, которые я пыталась скрыть под волосами.

— Знакомому нужна была кровь, и я... помогла ему, — солгала я, чувствуя, как слова застревают в горле.

Какой ещё знакомый? В памяти тут же вспыхнула вос-

поминания: моя комната, его огненные глаза, обжигающая боль, когда незнакомец вцепился в шею своими клыками.

Его брови сошлись на переносице, образуя глубокую складку. Зейн разозлился... из-за меня? В его глазах вспыхнул странный огонь — не просто гнев, а что-то более сложное, будто он боролся с собой, пытаясь сдержать эмоции.

— Ты не должна... — начал он, его голос звучал глухо, почти предостерегающе.

Но его перебила Лира — дверь с лёгким скрипом распахнулась, и она ворвалась в комнату, словно порыв ветра.

— Хитрый лис, не трогай её! — почти закричала она, её голос дрожал от напряжения. В глазах подруги читалась неподдельная тревога. Она быстро перевела взгляд на меня: — Рия, я отвезу тебя домой. А когда Зейн скажет, привезу обратно — чтобы ты могла отправиться с ним.

Зейн медленно отпустил мой подбородок. Его пальцы на мгновение задержались у линии челюсти, словно он не хотел разрывать контакт, а потом неохотно скользнули вниз и опустились вдоль руки. Но взгляд по-прежнему был прикован ко мне — изучающий, пронзительный.

Я проснулась от резкого звука — он был таким же, как утром, когда я потом поняла, что это была Лира. Не обратив на него внимания, я закрыла глаза и попыталась снова уснуть. Но меня привлёк свет, который пробивался из-за двери: я точно помнила, что выключила лампу.

Мне так не хотелось вставать с постели — я боялась потерять тягу ко сну. Может, да ну его? Пусть горит. Но пришлось несколько раз потерять веки, когда внезапно огонёк, проскальзывавший в комнату через щель под дверью, погас. Может, что-то не так с электричеством? Да ладно, всё равно — главное сейчас сон.

Дальше я услышала скрип пола — он был уже другой, не тот, что у общей комнаты. Когда Лира привезла меня домой, она сказала, что заметила ещё одно скрипучее место — на лестнице. Я его не замечала: обычно спускалась и поднималась, перешагивая по две ступеньки сразу, — так было удобнее. Скрип на лестнице отличался тем, что был намного громче, поэтому я сразу поняла: кто-то поднимается — или, возможно, спускается.

О нет, мне не хочется вставать... Может, Лира пришла и снова пытается меня напугать?

Я протянула руку и достала немного хлопка из тумбочки — не знаю, сколько лет он тут находился, но сейчас мне было всё равно. Оторвав два кусочка, я засунула их в уши — глубоко, но так, чтобы потом смогла вытащить. Конечно, они не сделают меня полностью глухой, но хотя бы какой-то процент шума перекроют.

Я опустила веки и повернулась набок.

Прошло несколько мгновений, когда мне стало жарко и я захотела открыть окно. Ну блин, всё-таки придётся встать, потому что жару я терпеть не намерена.

Приподняла веки...

Резко отшатнувшись назад, я упала с кровати на пол. Открыв глаза, я увидела, что прямо перед моим лицом стояли два огонька — яркие, пульсирующие, словно угли в печи. Сердце начало бешено колотиться, отдаваясь гулом в ушах.

Я вскочила и выбежала из комнаты, но, уже оказавшись в коридоре, заставила себя остановиться. Собрав остатки самообладания, я заперла дверь комнаты, прежде чем спуститься вниз.

Эфирит остался в спальне — связаться с кем-нибудь я не могла, и не успела схватить его из-за страха, переполнявшего меня. Не зная, что делать дальше, я достала нож — в надежде, что если вдруг незваному гостю удастся сломать замок и спуститься вниз, я смогу хоть как-то защититься.

Хотя кого я обманываю? В глубине души я знала: не успею и руку поднять, как он убьёт меня на месте.

Что мне делать? Может, выбежать из дома? Но куда? Вдруг я потеряюсь в лесу и не смогу найти дорогу обратно? В город бежать я не намерена — я же в одной сорочке...

Я схватила плед, который лежал на диване, и привязала его к груди так, что теперь были видны только лямки и плечи — всё остальное закрывал длинный плед. Собрала низ пледа в руки, чтобы не запутаться и не упасть. Повернувшись к двери, я замерла на месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.